

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

14 (168) +12
ноябрь 2013

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2

«Мы живём в мире нравственной какофонии»

Вопросы трансплантации органов, эвтаназии, экстракорпорального оплодотворения обсудили со специалистом по проблемам биоэтики профессором Себастьяном Молдованом (Румынская православная церковь) члены братства «Сретение».

С. 5

Критерии канонизации

Мы публикуем краткий репортаж с международной конференции «Научно-богословское осмысление мученичества, исповедничества и массовых репрессий», организованной Общецерковной аспирантурой и докторантурой, и фрагмент прозвучавшего на конференции доклада Ольги Филипповой.

С. 8

Плоды 25-летия

Издательство Свято-Филаретовского института готовит к печати восьмой номер альманаха «Свет Христов просвещает всех». Открывает издание впервые публикуемая на русском языке статья архимандрита Роберта Тафта. Об этом и других новых изданиях рассказывает рубрика «Книжное обозрение».

Открытая встреча

В Приложении, как и всегда, звучат ответы на вопросы, прозвучавшие на Открытых (миссионерских) встречах. А еще мы вспоминаем человека, который горячо и искренне всю свою жизнь после обращения старался ответить на такие вопросы – Клайва Стейплза Льюиса, с чьей кончины минуло 50 лет.

Мы знаем, ради чего и ради Кого мы полагаем свою жизнь

Проповедь священника Георгия Кочеткова на панихиде в День памяти жертв политических репрессий

Окончание на с. 7

30 октября в Культурно-просветительском центре «Преображение» и Свято-Филаретовском православно-христианском институте состоялись поминальные богослужения по всем, пострадавшим в те страшные годы.

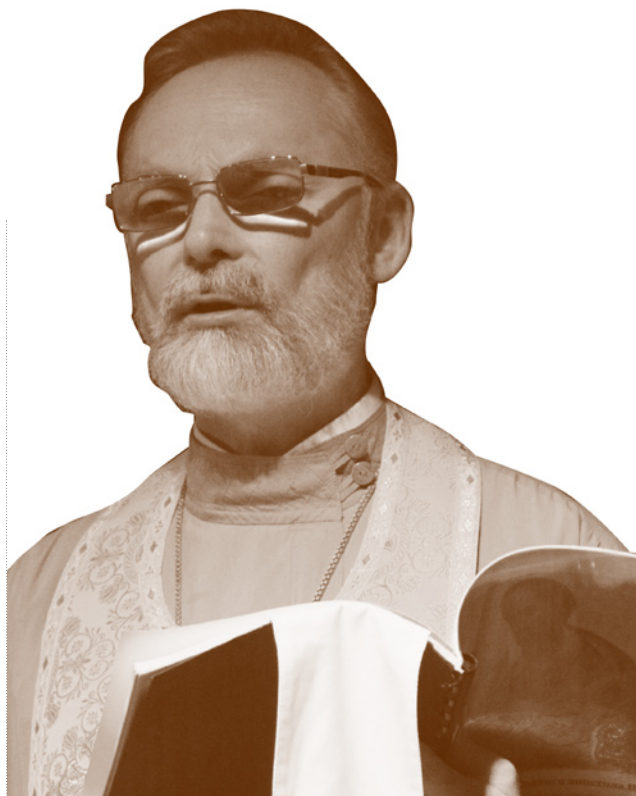
Во время панихиды, которую служил священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства и ректор СФИ, в загородном доме КПЦ «Преображение», читались молитвы свт. Николая Сербского и о. Николая Сильвинского. В завершение о. Георгий призвал всех в этот день в 21.00 зажечь на окне своего дома свечу в память о тех, чья жизнь безвременно оборвалась в годы террора или была сломана машиной советского государства.

Мы публикуем слово о. Георгия, прозвучавшее на панихиде

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Вот уже не первый год, дорогие братья и сёстры, мы собираемся для того, чтобы помянуть невинных жертв самого страшного тоталитарного режима всей мировой истории – самого безжалостного, самого несправедливого в мире строя, который превратил огромную страну в сплошное кладбище. Люди ходят по костям, люди строят на кладбищах дома, люди часто даже не знают, что у них под ногами топь из человеческой крови...

И в этом году, может быть, впервые мы присоединили к обычной церковной молитве за людей заведомо не всегда верующих, не всегда православных, не всегда христиан – молитвы о врагах. И не только потому, что иногда действительно трудно разобрать, кто из погибших и умученных был невинно умучен, а кто, может быть, страдал по грехам своим и сам перед этим был палачом

народа. Суд этот, это определение персонально может быть вынесено только Господом. Мы не можем и не будем никого судить человеческим судом. Мы с вами можем сделать только одно: обострить свою память и постараться сделать выводы из истории, так чтобы ничего подобного ни в нашей стране, ни где-либо ещё не могло повториться. Действительно, враги рода человеческого, почти на семьдесят пять лет захватившие страну и народ, фактически убившие страну и народ, приблизили многих членов церкви к предельному самоопределению: или пожертвовать собой и своим до конца, стать святыми, но лишиться всего дорогого и любимого и всех дорогих и любимых; или предать, пойти на такой компромисс, от которого очиститься невозможно, и попытаться сохранить что-то земное ценой потери Божьей правды, истины и света.

Преодоление смуты

маго Бога и собраша вся митрополиты и архиепископы и епископы, архимариты и игумены и весь освященный собор и все народное множество православных христиан; и заповедавшие первее в царствующем граде Москве, посем послаша во вся грады Российской державы от всего освященного собора, да постятся три дньи вси православнии христиане и да молят Прещедраго и Многомилостиваго Владыку и Бога и Пречистую Его Матерь о устроении всея Руския земли, и дал бы Господь Бог царя и государя всея Руси и над прочими государьствы Российской державы и устроил бы полезнаа всему православному христианству.

По всей же Росии вси православнии христиане моляхуся Богу о сем, прилежно постящеся три дньи, не ядуще, ни пиюще с женами и з детьми и с сущими млеко младенцы. О колика благость Господня и колико суть к нам милосердие Его и неизреченнаа милость! Егда в скорбех наших от всея душа возопихом к Нему, тогда Господь Бог умилосердися над Московским государством и призре милостию на весь христианский род Российской державы, иже и всегда близ есть всем, призывающим Его истинною. И услыша молитву и воздыхание убогих раб своих и, яко некое дарование духовно, в совет подаст рабом своим¹.

Увы, было бы более чем наивным предлагать сегодня для окончательного выхода из смуты XX века «чин всенародного покаяния». «Всех православных христиан» в России сегодня не так уж много, и даже среди них нет единства в оценке недавней исторической реальности. Что же говорить о тех, кто пытается создать «единый подход» к тому, что случилось с нашей страной?

Окончание на с. 6

Верность и подлость

История борьбы за Никольский храм в Ницинском селе Ирбитского района Уральской области зимой 1930 г. по-шекспировски трагична. Главный герой этой драмы – священник Алексей Кротенков. Его подвиг отмечен, он канонизирован в 2005 году определением Священного Синода РПЦ. Однако героических участников в этой истории, каждый из которых по-своему проявил верность Богу и Церкви, много, настолько много, что безбожная власть смогла победить только благодаря беззастенчивой подлости, чему в архивно-следственном деле есть редкое самосвидетельство. К этому церковь оказалась не готовой. Готова ли сегодня?

Начало истории в протоколе допроса члена церковного совета Карпова Кузьмы Мелентьевича, 61 года. Он своеобразно подготовился к церковному служению: «Осенью 1929 г. я хозяйство передал в колхоз своей дочери и зятю, и у меня осталась одна избушка. Членом церковного совета я состою с 8 января 1930 г., а трапезником церкви работаю уже месяцев около 10»¹. Итак, «...8-го января 30 года я вместе с другими верующими д. Ереминой, села Ницинского, дер. Чусовитиной и др. присутствовал на общем собрании, где наряду с другими вопросами, как то о ремонте церкви, часовни, перевыборах церковного совета, обсуждался вопрос об уплате страховки церкви в сумме 1196 рубл. Налог тяжёлый, который мы не можем заплатить, так как нынче производили ремонт церкви. Обсудив этот вопрос, общее

Крест, установленный на месте расстрела в память о. Алексия Кротенкова

собрание верующих приняло решение, что страховку платить не будем. После принятия решения об отказе уплаты страховки на собрании выступил священник Кротенков, который обращаясь к присутствующим на собрании верующим в количестве 525 чел. указал, что “налог нам не собрать, я буду говорить в проповеди о добровольном пожертвовании, и если будут закрывать церковь, то мы должны выступить против этого, а церковь не отдавать на поругание безбожникам.

Окончание на с. 4

«Мы живём в мире нравственной какофонии»

4 ноября в Культурно-просветительском центре «Преображение» члены братства «Сретение» встретились с профессором Себастьяном Молдованом, преподавателем нравственного богословия, социального богословия и биоэтики в Университете имени Луциана Блага в г. Сибиу (Румыния), и иереем Юлианом Негру, советником отдела по миссии, статистике и пастырскому прогнозированию Ясской архиепископии, координатором национальной программы по борьбе с наркотиками от Румынской православной церкви. В своём выступлении профессор Молдован рассказал о наиболее острых проблемах биоэтики и обсудил их с участниками встречи.

«Конструирование жизни»

Последние десятилетия мы находимся в новой антропологической ситуации, которая постоянно развивается. Всего лишь в нескольких странах мира проводятся дорогостоящие исследования, обеспечивающие это положение. Это разработки по «конструированию жизни» – изменению её структуры на всех её уровнях и в любых масштабах, от молекулы человеческого организма до биосферы всей нашей планеты.

С необыкновенной быстротой развиваются научные технологии, затрагивающие все этапы жизни человека – от рождения до смерти, начиная от экстракорпорального оплодотворения до многолетнего продления жизни человека с уже, быть может, умершим мозгом при помощи современного оборудования.

Проблема эмбриона

В каждой ткани нашего организма есть определённые клетки, отвечающие за её регенерацию, – так называемые стволовые клетки. С их помощью медицина могла бы регенерировать любые органы и ткани и побеждать болезни, считающиеся на сегодняшний день неизлечимыми, будь то болезнь Альцгеймера, онкология или диабет.

Проблема лишь в том, что стволовые клетки можно получить только из эмбриона на определённом этапе деления его клеток. Но если эмбрион – потенциальная личность, сотворённая волей Божьей, то мы не можем согласиться на его уничтожение.

Как узнать, когда группа клеток становится эмбрионом? Ведь есть некоторые клетки (их называют плюрипотентными), которые не являются зиготами (оплодотворёнными яйцеклетками), но если их перепрограммировать – они могут начать вести себя как зиготы. Не оканчивается ли, что в науке и медицине мы используем и даже уничтожаем человека, пусть только на клеточном уровне?

Смерть или жизнь?

Вопрос о том, что считать смертью человека, также стоит сегодня очень остро не только в связи с этическими проблемами, но в первую очередь в связи с потребностью донорства органов. Потеря дыхания, затем – сознания, остановка сердца, наконец, необратимая остановка функционирования мозга – только после этих стадий наступает полная смерть. В современном отделении интенсивной терапии пациента можно стабилизировать на любом из этих этапов. «Через

вентиляцию лёгких или питание через носоглотку человека можно поддерживать годами, – рассказал профессор Молдован. – Однажды в Польше человек таким образом прожил 17 лет – и что мы скажем, был ли он жив или мертв? Да, у него было сердцебиение, дыхание, у него функционировали печень и почки, ему поддерживали необходимую температуру тела, он даже был способен к репродукции. Фактически у него умер только мозг. И вопрос о том, жив ли в этом случае человек или нет, остаётся ли он человеком – это вопрос не только медицинский, но и духовный».

Профессор вспомнил и другой случай, когда у беременной женщины после аварии наступила смерть мозга, но в палате интенсивной терапии она через несколько месяцев родила здорового ребёнка. Была ли она при этом мертва или жива?

С медицинской точки зрения нет никаких моральных критериев, никакой единой позиции по этим вопросам – разные люди и сообщества придерживаются разных позиций, и нет никаких обнадеживающих признаков, что эта ситуация изменится.

«Качество» или священность?

Профессор Молдован выделил две крайние позиции в отношении к вопросам биоэтики.

Эволюционизм, основанный на атеизме, во главу угла ставит «качество» жизни. Он предполагает, что мы рождаемся случайно, появляемся из ничего и уходим в никуда. Этическая позиция при этом такова: жить стоит, только если жизнь имеет определённое качество. Значит, можно стараться управлять личной и общественной жизнью так, чтобы качество жизни было выше некоего минимального порога. А если качество жизни падает – жизнь можно прекратить. «Проблема в том, что решение о прекращении жизни при этой позиции может принимать другой человек – врач, родственник и т. д. – и делать это совершенно произвольно. Можно ли уничтожить ребёнка, больного синдромом Дауна? А если этот хромосомный набор был определён ещё в утробе, неужели врач должен рекомендовать матери сделать аборт? Мы живём в мире нравственной какофонии», – считает профессор.

Креационизм утверждает священность жизни. Мы появились на свет не случайно, а по воле сотворившего нас Бога, поэтому наше существование – это дар и выражение Его воли. Наша жизнь относительно, она соотносится с Источником жизни и её предназначением. При этом достоинство жизни безусловно и неприкосновенно с самого начала, потому что она принадлежит не нам, а Богу. В экстремальных ситуациях предлагается сострадание, облегчение боли, молитва. Но при этом человек не может вмешаться в жизнь другого человека: «Мы не можем вытащить из розетки шнур, подключаящий искусственную вентиляцию. Мы ждём, что в эту ситуацию вмеша-

Профессор Себастьян Молдован

ется Господь, а нас при этом обвиняют в цинизме и лицемерии – ведь мы не согласны прекращать страдание другого через убийство». Но верующий человек не берет на себя роль Бога, несмотря на то, что быть свидетелем боли другого человека очень трудно.

«По причине любви»

В Румынской церкви, как и в Русской, поддерживают желание людей жертвовать после своей смерти органы в целях медицинской помощи. Профессор Себастьян Молдован рассказал, что при этом должно выполняться одно условие – делать это нужно «по причине любви», а не для обогащения себя или других, не из страха или подобных мотиваций. Ответив на вопрос, может ли христианин завещать отключить себя от искусственного поддержания жизни ради того, чтобы пожертвовать свои органы больным, профессор ответил: «Я считаю, что невозможно убивать одного человека ради другого, хотя в каждой конкретной ситуации нужно спрашивать, что думает об этом подлинный Хозяин Жизни».

Дмитрий Гасак, председатель братства «Сретение», напомнил о том, что христиане тоже выступают за качество жизни. Евангелие только об этом и говорит. Призыв Спасителя к ученикам – «Бодрствуйте!» – является лейтмотивом всего евангельского повествования. «Мне иногда кажется, – сказал он, – что “креационисты”, выступая против “философов”, не всегда говорят о качестве жизни и за других решают, как они должны жить. Философы же, наоборот, всё слишком индивидуализируют. Трудно согласиться и с теми, и с другими. Никому не удастся снять с себя ответственность за решение этих вопросов – невозможно её переложить на Бога, тем более, невозможно на себя взять функцию Бога и считать себя непогрешимым». Говоря об отношении к решению христианина пожертвовать свои органы другому человеку, «отключив трубку», Дмитрий Гасак отметил, что здесь важно, с одной стороны, доверие других христиан к своему собрату, а с другой – ответственность за его решение, т. к. в церкви есть принцип не только личной, но и соборной ответственности. «Важно прекратить в церкви противостояние, когда кто-то будто бы борется за жизнь одного человека, а кто-то – за жизнь другого. Нельзя выбрать одного человека, пожертвовав другим, хотя мир, лежащий во зле, часто ставит нас в такую ситуацию. Даже в случае ошибок в области биоэтики, а порой и грехов своих собратьев, мы не должны враждовать друг с другом».

Духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков предложил свой ответ на один из самых сложных вопросов биоэтики: «Человек сам определяет, когда он хочет жить, а когда нет. Когда человек не хочет жить – он умирает, даже если он физически здоров. Это известно. Мы не должны брать на себя вместо человека ответственность за его жизнь, мы должны в первую очередь эту ответственность передать самому человеку, независимо от того, находится ли он в сознании или нет. Если человек живёт с Богом, это решается нормально. Труднее, если человек противопоставляет себе Богу. Тогда у него все внутренние критерии перевора-

чиваются, и опираться на них становится очень сложно. Но неверие как внутреннее состояние самого человека само по себе является самой страшной патологией. И тут действительно нужно молиться за человека».

На уровне просвещения

На вопрос, заданный уже после встречи: «Вы говорили о возможностях диалога. А что Вы думаете о перспективах решения проблем биоэтики с помощью государственного принуждения? Естественно, в первую очередь здесь речь идет о запрещении аборт», – профессор Молдован ответил:

«Мне кажется, что в вопросах биоэтики участие политических, правительственных органов обязательно в любом случае. Это слишком важные вопросы, которые нельзя оставить на усмотрение каждого конкретного человека. В том же, что касается степени вмешательства, очень многое зависит от политической культуры той или иной страны. В Восточной Европе, скажем, у нас в Румынии мы очень привыкли к решению политических вопросов “сверху вниз”: мы выбираем представителей, и пусть они дальше делают свою работу и говорят, что и как нам делать. Но это не очень удовлетворительная модель даже политически, поскольку просто снимает и личную, и общественную, общую, солидарную ответственность. Все-таки это не вопрос жизни политиков, которые это решают, а вопрос жизни каждого из нас. Мне кажется, что лучшее решение, по крайней мере, “наименьшее из зол” – это политика вмешательства, участия. Нам нужна и смелость, и настойчивость, чтобы обсуждать каждый конкретный вопрос до тех пор, пока мы не придем к общему решению о том, как нам жить вместе. А нам нужно жить вместе.

Возьмем тот же вопрос абортов. Это ведь не просто убийство – тогда всё было бы довольно ясно. Что осложняет ситуацию? У нас получается все-таки, что это жизнь человека внутри другого человека. И как юридически отделить мать и нерождённого ребенка, когда Бог их соединил так, что они друг с другом не разделяются? Естественным, природным образом ребенок полностью зависит от матери. Конечно, нужно бороться за жизнь ребенка. Но у матери ведь жизнь не отнимешь, потому что без неё не родится ребенок, их не разделить. Необходимо любить обоих и соблюдать справедливость по отношению к обоим – или ни к кому. Мне кажется, что регулировать этот вопрос надо во многом на уровне просвещения молодого поколения. Нужно стараться создать культуру самопожертвования, любви по отношению к другим. Проблему абортов надо решать, не жертвуя матерью ради ребенка или ребенком ради матери – это шизофрения, и это неизбежный провал. Но как повышать ценность материнства, ценность семейной жизни, ответственность, которая приведёт к полноте в семейной жизни? Нужны школы не только для детей, но и для родителей, и образовывать их надо так, чтобы они понимали, что такое дар жизни и её ценность».

Анастасия Наконечная. Фото Кирилла Мозгова
По материалам Информационной службы Преображенского братства

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синаodalным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва:
+7-964-534-64-55 (Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56 (Анна Гринман),
+7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 18 ноября 2013 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 20 ноября 2013 г.

gazetakifa.ru

Церковь и общество

«Без воскрешения памяти жертв у нашей страны нет будущего...»

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, во многих городах бывшего Советского Союза прошли молитвенные чтения имён невинно убитых и замученных в годы советских репрессий*. В некоторых городах такое молитвенное поминовение совершалось в первый раз. Зачем ворошить прошлое и снова и снова вспоминать погибших? Не является ли это мучительством самих себя и тех, кто невольно становится свидетелем звучания нескончаемого списка имён? Об этом мы говорили с участниками проходившей молитвы

Москва, Ваганьковское кладбище

Среди собравшихся у Поклонного креста – 84-летний Валентин Иванович Сизов, житель Нижнего Новгорода, военный в отставке, специально приехавший на эту службу. Вот он подходит к микрофону и говорит хорошо поставленным голосом: «Мой отец, Сизов Иван Иванович, инженер-химик, 29 лет, был приговорён к расстрелу, без права помилования, и расстрелян 19 декабря 1934 года в Бутырской тюрьме. После чего тайно похоронен здесь, на Ваганьковском кладбище, у оврага, участок № 34».

Сердце сжимается и наворачиваются на глаза слезы, когда видишь и слышишь такое.

Самое главное в чтении – молитвенная атмосфера, объединяющая всех. Начали с панихиды, которую проводил о. Сергей Матюшин, настоятель храма Воскресения Словущего, и со слова Дмитрия Сергеевича Гасака.

Духовное напряжение этой обстановки невозможно «инициировать». Молитва шла из сердца и застыла на губах, потому что больше хотелось молчать, чем говорить. Песнопения звучали торжественно и строго. Имена произносились чётко, в микрофон, на всю кладбищенскую площадку, где установлен массивный Поминальный крест.

Для тех, кто уставал на холоде, в трапезной кладбищенского храма Воскресения Словущего устроили горячий чай. Остались в памяти слова Инны, работницы храма: да как же такое возможно? сердце разрывается... И всё же печаль была светлой. Было очевидно, что и погибшим, и нам нужно это предстояние.

Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства, проректор Свято-Филаретовского института: Я здесь не только «по долгу ответственности» (наше братство является основным из организаторов акции) но и потому, что, как мне кажется, все совестиливые люди, хоть сколько-нибудь думающие об истории нашей страны, о нашем прошлом, о нашем будущем и настоящем, не могут пройти мимо этого дня, мимо памяти о невинно убиенных людях – наших согражданах, наших родных и близких. Конечно, не у всех есть возможность прийти и участвовать в чтении имён, но хотя бы зажечь свечу в этот день и как-то вспомнить погибших – такая возможность есть у каждого, и мне это кажется чрезвычайно важным.

Бывают в истории моменты, когда нельзя не оглянуться назад, когда нельзя забыть то, что произошло. Мы слышим имена репрессированных, это самые разные люди: и крестьяне, и дворяне, и грамотные люди с высшим образованием, и совсем неграмотные, верующие и неверующие, высокопоставленные чиновники, в том числе в советском правительстве, и люди, находящиеся, казалось бы, в общественных низах: дворники, сторожа. Всех «закатывали в асфальт». И нам очень важно понимать, почему это происходило, чем были вызваны такие антинародные деяния – репрессии против собственного народа. Это необходимо глубоко осознать, потому что без этого нам нельзя разрешить важнейшие вопросы общественной жизни. Невозможно смотреть в глаза соседу или своим сотрудникам по работе, если мы какие-то вещи забудем. Важно вспоминать всех, причём вспоминать именно в мирном духе. Эта память должна быть созидательной памятью, которая бы оживила нашу совесть, наш разум, наш

здравый смысл, которая бы отрезвила нас и помогла бы смотреть на реальность нашей жизни адекватно, чтобы мы вспомнили простые вещи: кто мы на этой земле, кто наши ближние, каковы цели нашей жизни, каков её главный смысл.

Обо всём этом есть возможность подумать здесь, слыша эти бесчисленные имена и общаясь с теми, кто приходит. Оказывается, этой бедой, этим горем, этой трагедией, этим преступлением задеты все. Не просто все слои нашего общества, а буквально все. Нет семьи, которую бы эта антинародная большевистская политика не затронула. У нас часто вспоминают о Второй мировой войне и говорят, что нет семьи в России, которую бы не затронула война. Но нет и семьи, которую бы не затронул большевистский террор, поэтому важно быть здесь.

Максим Зельников, старший научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева: Из того, как здесь читают, видно, что у многих пришедших людей есть родственники среди погибших. Наверное, редкую семью не коснулись репрессии. И потом, поскольку здесь много верующих людей, для них это ещё и исполнение воли Божьей о памяти, о молитве за погибших людей для того, чтобы на этой земле зло не совершалось, но совершалась воля Божья.

Дарья-Дина Ерёмкина, преподаватель: Ольга Седакова как-то сказала: «Воздух страны меняется, когда мы не соглашаемся второй раз уничтожить убитых – отказавшись от их памяти, от труда осмысления того, что случилось» и «без воскрешения памяти жертв у нашей страны нет будущего...» Я пришла, потому что поняла, что в каком-то смысле моё будущее тоже зависит от этого. Если не будет осмысления произошедшего, обретения живой памяти, то мы сами можем уйти в небытие. Нам Господь открывает новое измерение жизни, и для нас эта молитва не только о прошлом, но и о настоящем.

Москва, Столешников переулок, напротив музея ГУЛага

Кирилл Мозгов, руководитель издательства Преображенского братства и Свято-Филаретовского института: Иваны, не помнящие своего родства, не имеют будущего. Поэтому какой бы ни была наша история, её нужно знать и помнить. Сегодня эта память воплощается вот так – в чтении расстрельных списков конкретных людей с очень разной судьбой, но попавших в одинаковую ситуацию. Среди имён, которые мне выпало сейчас прочитать, был и комбриг, и священник, и пенсионер 77 лет. Они все в разное время были расстреляны. Даты тоже варьируются. Это не только 1937 или 1938 годы, был и 1940-й, и 1952-й. Наверное, можно надеяться, что если эта память будет сохраняться, то и какое-то будущее у нас тоже будет.

Наталья Игнатович, редактор сайта Свято-Филаретовского института: Среди имён, которые я читала, были няня из детского сада-яслей, кладбищенский сторож, сотрудник ОГПУ, профессор и преподаватель персидского языка из Института востоковедения. К этим именам я добавила имена тех, кто мне дорог своим вкладом в историю братского движения: о. Александра Секундова, члена Александрово-Невского братства, расстрелянного 8 января 1938 года; епископа Иннокентия (Тихонова), члена Александрово-Невского братства, расстрелянного 29 ноября 1937 года; архим. Льва (Егорова), члена Александрово-Невского братства, расстрелянного 20 сентября 1937 года; Ивана Пикина, Марию Александрову, Петра Беляева и свящ. Василия Козлова, членов братства еп. Макария (Опоцкого), – все они расстреляны 2 декабря 1937 года. Кто-то добавлял к спискам имена своих репрессированных родственников с краткими живыми комментариями. При мне подходили прохожие. Кто-то говорил: «Спасибо за то, что вы делаете», кто-то спрашивал, можно ли тоже почитать имена, кто-то просто стоял и слушал.

Ирина Васильева, маркетолог: То, что имена читались в самом центре Москвы, не в каком-то скрытом месте, отделенном заборами, стенами – сильное впечатление, и радостное, и печальное одновременно. Самое главное, что чувствовало сердце – что Сам Господь этого хотел и присутствовал с нами там.

Иона-Ренат Гатаулин, музыкант: Перед тем, как сюда прийти, я понимал, что пострадало очень много людей, но всё это было как бы со стороны – тебя это не касается. Но когда пришёл и сам читал конкретные фамилии с данными о годе рождения, о том, кем человек был – это совсем другое дело. Подошёл пожилой мужчина, лет 60–65, даёт записку, написанную его рукой, и просит нашу сестру прочитать. Она читает, а он говорит: «Это мой отец». И когда вот так рядом стоит этот человек – это уже касается и тебя. Так звучали эти имена, я смотрю – он стоит рядом и плачет.

Потом проходил мимо молодой человек, лет тридцати, остановился. В глазах виден интерес, сочувствие. Поговорили с ним. Потом смотрю – он уже читает листок с именами.

Сам я не знаю, был ли кто-то расстрелян или пострадал из моих родных. Но теперь, когда сам в этом участвовал, это уже личный опыт. Думаю, что даже у тех, кто прошёл мимо, пусть и по другой стороне улицы, что-то останется. И, конечно, то, что люди совершают встречное движение к Богу, покаянное, пусть даже это лишь мизерная часть из всего народа делает и будет делать, но уже можно надеяться на примирение нашего народа с Богом. Знаете, это молитва одного человека за другого, ходатайство. Мы не просто совершаем литию за всех невинно убиенных – это ещё и действие, направленное на тех, кто сейчас живёт. И получается, что это ходатайство и за нас, живущих. Ведь народ неразделим: кого-то нет уже в живых, кто-то сейчас живет, кто-то ещё родится – всё равно это как один живой организм.

Александра Буданова, домохозяйка: Очень хорошо, что читались не просто имена, а добавлялись возраст и профессия. Я в этой теме не совсем новичок, но это разнообразие судеб, возрастов, профессий от кладбищенского сторожа до элиты произвело очень сильное впечатление. Потрясла молитва о. Николая Сильвинского, расстрелянного в 1937 году, которая читалась на литии.

Анна Жмырева, редактор: Мне выпал список приблизительно из десяти фамилий, в котором семь или восемь фамилий были китайскими. Я сначала немного удивилась и расстроилась: как я буду их читать? Час тренироваться надо. Даже возникло желание отказаться. Но, поразмыслив, решила, что, может, именно мне надо назвать этих людей. Гладильщик, приёмщик, работник прачечной – какие мирные и далёкие от политики работы! Тяжелейший труд! Все мужчины этой большой семьи оказались «виноваты».

Я почему-то думала о том, как они жили, почему приехали сюда, любили ли они нашу страну.

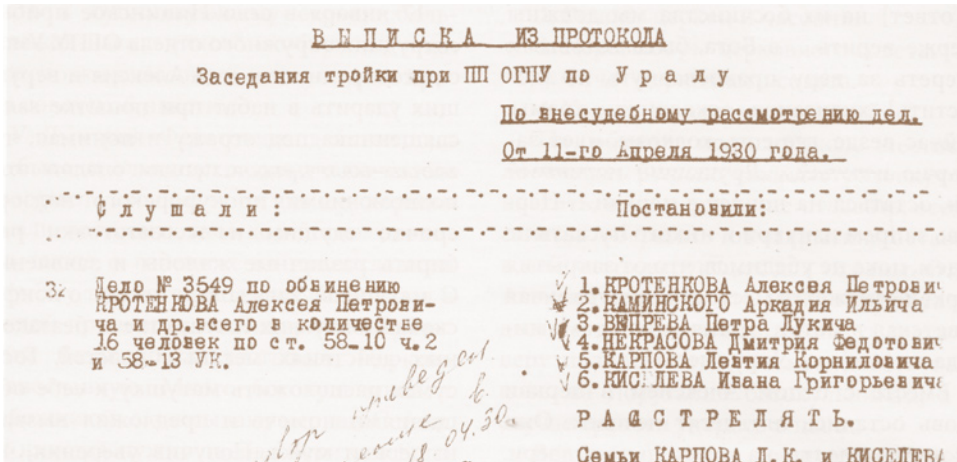
Но более всего моя душа плачет при мысли о палачах, о тех людях, которые определяли, кто виноват, и кто исполнял приговор. Как это страшно! Действительно ли они не ведали, что творили? Почему так мало людей сейчас думает об этом?

И мне всё время вспоминается: «Недавно ещё не могли найти во всем русском народе двух палачей. Ещё недавно, в 1880-х годах, был только один палач во всей России» (Лев Толстой. Не могу молчать).

Елена Майзиль, переводчик: Когда я читаю имена, эти люди для меня оживают, и я могу вместе с ними оплакать их безумную гибель. И тогда появляется возможность просить о прощении их палачей.

* Чаще всего при чтении имён используются так называемые «расстрельные списки» людей, осуждённых по политическим статьям в ускоренном порядке (до десяти дней), при судебном слушании без участия сторон и без вызова свидетелей, без возможности кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании. Смертные приговоры по таким делам должны были приводиться в исполнение немедленно. Окончательное решение по приведению в исполнение приговоров принималось на заседаниях Политбюро по спискам, содержащим сотни имен. Эти документы завизированы лично Сталиным и другими членами Политбюро.

Верность и подлость

Для охраны церкви оставим для ночлега часть верующих и в случае попыток к закрытию её, мы ударим в набат и вызовем тревогу, и мы должны быть твёрдыми и стойкими. Я первый останусь ночевать в церкви, а церковь закрыть не дадим и т. д.»².

Продолжение в обвинительном заключении: «На другой день собрания, т. е. 9 января 1930 года, после категорического отказа церковного совета явиться в Ницинский сельсовет для окончательного выяснения с вопросом уплаты налога-страховки за церковь, председатель сельсовета Пайвин и представитель Административного отдела – милиционер Шильников были вынуждены пойти в церковь сами лично, объявить верующим, что в силу отказа от уплаты налога за церковь, общину верующих придётся распустить и до выяснения вопроса в округе – церковь закрыть на два замка (один от верующих, а второй от сельсовета), то священник Кротенков с целью срыва переговоров открыл церковную службу, а церковный староста Вепрев, вскочив на амвон, пал на колени и закричал: «Братия и сестры, простите меня, меня арестуют, спасайте. Вы слышали, что церковь отбирают – прощайте!» На этот призыв Вепрева верующие в количестве более 300 человек с криком, шумом бросились к нему, оцепив его кругом, заявили, что «старосту арестовать не дадим и церковь не закроете»... Собрание верующих, несмотря на предложение представителя Административного Отдела о закрытии собрания – отказалось разойтись. После ухода милиционера и председателя сельсовета из церкви, церковный совет и священник Кротенков решили закрыть церковь изнутри и никого в неё не пускать, кроме верующих, причём Кротенков, выйдя из алтаря церкви открыто заявил верующим: «Господь спас нашу церковь. Вы сами были свидетелями гонения на религию. Безбожники хотели закрыть церковь, но это им не удалось, ибо мы крепки и на их безчинства должны ещё твёрже верить в Бога и быть готовыми умереть за веру православную, но не допустить хулиганов осквернить храм Божий... Будем сидеть в церкви, пока Советская власть не откажется от закрытия её. Будем бить тревогу, умрём за веру»...»³

Такая твердость священника и верующих, кажется, вызывает восхищение даже у следователя: «В первую ночь дежурства в церкви, Кротенков всю ночь не спал и читал верующим, ночующим в церкви, которых было около 50 человек, анти-советские проповеди, и воодушевлял их на борьбу с советской властью, заявляя: «Будем бороться до последнего, но церковь не отдадим. Если мы будем крепки, как сегодня, то церковь отстоим... Сейчас многие священники бросают церкви на произвол судьбы, снимают сан, я же одного волоса со своей головы за 1000 р. не продам, умру за церковь. В случае ареста моего выручайте, поднимайте тревогу»⁴. Понимая, что борьба не будет лёгкой, готовились к длительному противостоянию: «Церковный совет на Новый год, совместно с оставшимися ночевать в церкви, решили церковному старосте – моему мужу и члену церковного совета Кузьме Мелетовичу поселиться совсем на жительство в церкви, чтобы не допустить закрытия...»⁵

Но это было с точки зрения следствия ещё не самое страшное, более серьёзной

проблемой для новой власти, судя по приговорам, стал дух единства и взаимопомощи среди христиан.

Всего лишь за благословение получил 10 лет концлагерей благочинный Ирбитской старо-тихоновской епархии: «Первая поездка Вепрева с докладом к Сердобольскому была в декабре 1929 г., где Вепрев доложил Сердобольскому, что в случае отказа верующих от уплаты дополнительного налога-страховки за церковь, церковный совет и священник Кротенков (вопреки имеющейся на сей счет инструкции Совправительства), решили церковь не отдавать и в знак протеста Советскому правительству закрыться в церкви и сидеть в ней до тех пор, пока «местная и центральная власть не откажутся от ее закрытия»... На что Сердобольский, благословляя их на этот подвиг, ответил: «Налог нужно платить, храм храните всеми мерами, не допуская закрытия, если будут закрывать, можете оставить специально выделенных надёжных стариков на жительство в храме для охраны, дальше делайте так, как будет лучше под руководством и благословением настоятеля»⁶.

Самоотверженная борьба ницинцев быстро стала известна в округе. К затворившимся защитникам храма пришла делегация из соседней деревни Рудной. Из протокола допроса Киселёвой Марфы Гавриловны, 50 лет: «10.1. с/г в рождественские праздники в нашу деревню пришла весть, что в с. Ницинском закрывают церковь, верующие заперлись вместе с попом и церковь решили не отдавать. ...10.1 после обедни, которую служил о. Валентин, все верующие начали говорить о Ницинской церкви, кто первый говорил, не помню. Члены нашего церковного совета решили послать делегацию узнать о положении церкви. Верующие... кричали: «Нужно держать церковь, не отдавать на поругание, под-держать нужно ницинцев»⁷. Единства советская власть боялась больше всего и не прощала. Актив Рудновской церкви только за моральную поддержку соседей-христиан был арестован и осуждён. Пострадал и священник Первушин Валентин Павлович, который – о ужас! – «будучи священником обновленческой церкви в дни старого Рождества, исполняющего церковную службу в Рудновской старо-тихоновской церкви (*по просьбе приходского совета, т. к. местный священник 1 января отказался от сана – О.И.*), во время исполнения которой не предпринимающего никаких мер к успокоению толпы верующих, выражавших недовольство... закрытием Ницинской церкви за неуплату налога, не разоблачившего... плана группировки Ницинской старо-тихоновской церкви, возглавляемой священником Кротенковым...»⁸ Получил срок и трапезник Рудновской церкви Илья Алексеевич Агеев. Внимание следствия он привлёк тем, что с 1917 по 1925 год ходил по сёлам и деревням и монастырям, проповедуя православную веру. На допросах он рассказывал только о своём духовном решении: «В 1921 году я решил сделаться странником, тронулся я в путь из г. Лукояна, шёл через г. Казань, Сарапул и другие города. Во время пути следования я проповедовал православную веру... среди населения, и так продолжалось до самого моего исходного пункта следования, то есть до села Рудного. В с. Рудное я пришёл в 1926 г. в апреле месяце и сразу устроился в местной церкви прислугой. В 1928 г.

мной были организованы два кружка православной веры, сначала я организовал в с. Рудном, а затем в д. Голубковой, состав кружков был 6–8 человек. Занимался я с кружками два раза в месяц...»⁹. В результате это и стало его виной: «Гр-н Агеев Илья Алексеевич в селе Рудное проживает с 1925 г., состоит сторожем и трапезником Рудновской церкви, именует себя странником-богомольцем. По своему убеждению ярый старо-церковник тихоновец. За время проживания в с. Рудное систематически занимался агитацией среди верующих за необходимость верить в религию, быть преданным церкви Христовой, а во время обсуждения вопроса на общем собрании гр-н с. Рудное в 1929 г. о возможности закрытия Рудновской церкви отстаивал её оставление, для чего собирал в сторожке церкви секретные собрания верующих, преимущественно старух. Во время ночи в церкви производил богослужение, чтение акафиста, приглашая для этого верующих, состоящих в его кружке «православной веры». Ходил по деревням и организовывал тайные кружки «православной веры». Председатель Рудновского сельсовета Удинцев»¹⁰.

Поддержка пришла и из других деревень. Из протокола допроса Ерёмкина Даниила Лазаревича, 57 лет от 22 января 1930 г.: «Я лично по поручению верующих дер. Евшиной до сего дня живу в церкви...»¹¹

«В результате сагитированные Кротенковым верующие в течение 9-ти дней жили в церкви и были согласны на всякие жертвы... лишь бы защитить церковь... некоторые из них говорили: «Умрем в церкви, заслужим Царство Небесное, но церковь не отдадим на поругание безбожников»¹².

В открытом противостоянии ОГПУ явно проигрывало верующим, тогда его сотрудники стали действовать иначе:

«НАЧАЛЬНИКУ ИРБИТСКОГО ОКР. ОТД. ОГПУ
Ст. уполномоченного
1-го отделения
Дудина П.М.

РАПОРТ

По прибытии в село Ницинское в ночь на 17.1.30. мною было установлено, что поп КРОТЕНКОВ Алексей с 8.1.30. из церкви нигде не выходит, выходил лишь 15.1.30. под усиленным наблюдением верующих (до 10 чел.) мыться в баню. Из негласных сведений я знал, что Кротенков усвоился с верующими, в случае его ареста, через дежуривших в церкви поднять тревогу – ударить в набат. Также было установлено, что в церкви дежурят два члена церковного совета Терёхин Максим Иванович и Кузьма Мелентьевич с 5 женщинами-старухами. По поручению Кротенкова среди населения был распушен слух, что он якобы уехал в Ирбит вместе с церковным старостой Вепревым Петром Лукичем.

Учитывая эту утку, т. к. Вепрева мы арестовали в г. Ирбите 16.1.30 и что моё появление даже близ церкви может повлечь за собой нежелательные последствия, не говоря уже в силу указанной обстановки – о невозможности ареста попа в церкви, я решил дипломатично выманить его из церкви. Явился (около часа ночи) в дом попа Кротенкова, застал там бодрствующих матушку со всем семейством. Представился представителем Окрисполкома, «срочно» едушим на лесозаготовки (в Ницинском сельсовете есть таковые) с полномочиями Прокурорского надзора по разбору различных жалоб и заявлений. Завязалась беседа о конфискованном у них имуществе и допущенных, возможно, незаконностях со стороны местных властей. Поилился поток жалоб. В результате расположив «матушку», для выяснения вопроса предложил ей вызвать из церкви её мужа (первоначально она уверяла, что он в Ирбите, потом созналась, что в церкви, говоря – он боится ареста).

Получив «уверения», что об арестах не может быть и речи, матушка решила пойти уговорить «отца» выйти из церкви для беседы. Через полчаса Кротенков, сагитированный женой, в сопровождении

Священномученик Алексей Кротенков

двух «проводящих» явился в свой дом. На мой вопрос – «разве Вы не доверяете мне, с Вами даже проводящие» – Кротенков смутившись обратился к проводящим со словами: «Идите в церковь и не беспокойтесь». Те переспросили – не беспокоиться? Кротенков вторично повторил ту же фразу, и они удалились...

После беседы с Кротенковым, в целях выяснения вопроса, я предложил пойти в сельсовет просмотреть описи имущества, поп нехотя согласился. Посадив Кротенкова на лошадей, наказав сторожике сельсовета, что мы уехали к секретарю в соседнюю деревню, т. к. описи находились якобы у него дома, мы поа вывели из села Ницинского, и в поле я ему объявил об аресте и отправил в Ирбит с тов. Горбуновым.

Наш выезд с попом смутил прибегавшую матушку, но получив ответ, что поехали к секретарю – она успокоилась. Оставшись одуроченными, дежурившие в церкви, получив от попа приказ при приходе в дом – «не волноваться и сидеть в церкви», также поверили.

Наутро вернувшись в Ницинское, я произвёл в квартире Кротенкова обыск, объявив, что ее муж меня обманул самым наглым образом – сбежал неизвестно куда, выйдя из квартиры секретаря сельсовета «на двор», в силу чего я вынужден произвести обыск и т. д.

После этого я приступил к дальнейшим оперативным действиям, парализуя возможность каких-либо эксцессов.

С изъятием попа верующие растерялись, потеряв руководителя они к каким-либо действиям вряд ли приступят. Негласными данными подтверждается паника среди верующих, член церковного совета, строитель церкви Терёхин Максим Иванович, один из главных подстрекателей к массовому выступлению и помощник Кротенкова, как только узнал, что последний из с. Ницинского куда-то и с кем-то уехал – немедленно скрылся неизвестно куда.

Розыск веду»¹³.

Строгость приговора соответствовала силе сопротивления – к расстрелу приговорили священника Алексия Кротенкова, старосту Вепрева, члена церковного совета Карпова, крестьянина Киселёва. Священников А. Сердобольского и М. Кудрявцева отправили в концлагерь на 10 лет, священника В. Первушина – на 8 лет; остальных членов церковного совета и прихожан выслали на север Урала на различные сроки (вплоть – до бессрочного).

Материал подготовлен редактором рубрики Оксаной Ивановой

В цитатах из документов сохранена орфография оригиналов.

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 122.

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 122-122 об.

³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 304-310.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 304.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 110.

⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 320.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 103-103 об.

⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 222.

⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 84.

¹⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 279.

¹¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 100.

¹² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 306.

¹³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41470. Л. 2.

Критерии канонизации

24 –26 октября в Москве состоялась международная конференция «Научно-богословское осмысление мученичества, исповедничества и массовых репрессий», организованная Общецерковной аспирантурой и докторантурой имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия при участии Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, Мемориального научно-просветительского центра «Бутовский полигон» и при поддержке фонда «Русский мир». В работе конференции приняли участие представители духовных школ и светских вузов, архивов, епархиальных и Синодальных отделов РПЦ.

Одним из главных предметов обсуждения стал вопрос о критериях канонизации новых мучеников и исповедников. «Совершенно ясно, что в деле прославления новомучеников мы находимся в начале пути, – сказал председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополит Волоколамский Иларион. – Не слишком ли ограничивают нас в почитании новомучеников ранее сформулированные критерии? Не слишком ли узко и категорично мы подходим к оценке деяний людей, находившихся в жесточайших условиях тоталитарного террора?» Он напомнил о практике древней церкви, когда последователи Спасителя «не дерзали вершить земной суд над страдальцами за Христа». В отношении же новых мучеников и исповедников были сформулированы критерии, согласно которым, например, «представленный к канонизации не должен был ни в чём сознаться: ни подтвердить свою “вину” (например, в контрреволюции), ни рассказать о “вине” других», – подчеркнул владыка Иларион. Такие критерии, выдвигаемые от лица самой церкви, выглядят более чем странно, особенно учитывая, что специалисты с Лубянки с самого начала гонений в качестве одной из своих задач ставили недопущение прославления новых святых. «Насколько мы можем доверять документам, подписей под которыми добивались от людей нашей Церкви под пытками, в полуобморочном состоянии, либо просто кто-то другой ставил за них подпись?» – спросил митрополит Иларион. В то же время с официальных трибун и в СМИ вновь и вновь звучат призывы к «прославлению палачей и организаторов гонений на Церковь и народ Божий, – добавил ректор ОЦАиД. – Призывающие ныне к почитанию Ленина, Сталина, инициаторы реставрации памятника Дзержинскому попирают тем самым безвестные могилы новомучеников, исповедников Церкви Русской и сотен тысяч невинно убиенных сограждан нашей страны».

Дискуссия продолжилась на пленарных заседаниях и круглом столе «Критерии канонизации святых новомучеников и исповедников Церкви Русской». Об опыте и принципах канонизации по прославлению новомучеников рассказали профессор протоиерей Владислав Цыпин

(МДА, Синодальная комиссия по канонизации), первый заместитель председателя Архиерейского Синода РПЦЗ архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк, председатель комиссии по канонизации святых Белорусского экзархата епископ Гомельский и Жлобинский Стефан.

Ректор ПСТГУ протоиерей Владимир Воробьев в своём докладе обратил внимание на проблемы, связанные с использованием следственных дел как источников при принятии решений о канонизации. Содержащиеся в них обвинения часто оказываются сфальсифицированы, поскольку эти документы создавались с целью придать организованному геноциду форму законности. В качестве примера отец Владимир привёл случай ареста в 1937 году всех сотрудников Московской Патриархии. Всех мучили, все друг друга оклеветали, и потом всех, кроме одного человека, расстреляли. После смерти Сталина этот человек написал апелляцию, которая оказалась в следственном деле. Ответ на неё был таким: «Ты же всё подписал». – «А вы знаете, как нас пытали?» – пишет он. – Меня били, я терял сознание, потом снова били. Я даже не знаю, подписал я что-то или нет».

Священник Максим Плякин заметил, что даже в светском праве действует презумпция невиновности, однако Рекомендации к деятельности епархиальных комиссий по канонизации святых, принятые Синодальной комиссией по канонизации в 2011 году, не только пренебрегают этим принципом, но и предлагают опираться на документы, подготовленные палачами, при принятии решения о канонизации. В частности, в документе говорится, что возможность канонизации пострадавших в период после 1920 года может быть рассмотрена только «при условии, что документы и исторические свидетельства полностью раскрывают все периоды жизни человека и из них убедительно следует, что пострадавший не сотрудничал с органами ЧК–ОГПУ–НКВД, свидетельствуя против других лиц». При этом остаётся загадкой, как из документов, сфабрикованных или подписанных под изувержскими пытками сотрудников этих самых органов, может «убедительно следовать», что пострадавший с ними не сотрудничал.

«Невозможно составить представление о святости, не изучая, как человек жил, как в его жизни проявлялось следование за Христом, что для него было важно в церковной жизни, – отметила в дискуссии сотрудник кафедры церковно-исторических дисциплин СФИ Наталья Игнатович. – Здесь тоже существует проблема отсутствия источников, особенно по 1930-м годам, когда люди жили на нелегальном положении, но этот вопрос необходимо исследовать».

Вопрос об изучении деятельности новомучеников и исповедников и увековечении их памяти был затронут во второй день работы конференции. Священник Владимир

Директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» Игорь Гарькавый, наместник Новоспасского ставропигиального мужского монастыря епископ Воскресенский Савва; первый заместитель председателя Архиерейского Синода РПЦЗ архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк; ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии» Сергей Чапнин; выпускница СФИ, сотрудник КПЦ «Преображение» Ольга Филиппова

Тарасов (СПбДА) рассказал о проблемах канонизации Белгородских святых. В частности, он отметил, что из-за отсутствия следственного дела до сих пор не канонизирован архимандрит Серафим (Тяпочкин), почитаемый многими как святой.

А.В. Маркелов (г. Киров) считает, что основанием для канонизации новомучеников может служить духовный опыт их почитания местными сообществами. Также он предложил публиковать все жизнеописания святых, показывающие весь, порой противоречивый, жизненный путь этих людей, а не только стилизованные жития. На проблему излишней стилизации образов святых обратила внимание в своём докладе и И.К. Языкова (ББИ). Она отметила, что попытки писать иконы новомучеников часто отмечены крайностями портретизации и иконизации.

Тему воскрешения памяти и свидетельств о жизни святых новых мучеников и исповедников затронула в своём докладе выпускница СФИ, сотрудник Культурно-просветительского центра «Преображение» Ольга Филиппова. Она рассказала о передвижных выставках, посвящённых церковной истории XX века, которые были организованы КПЦ «Преображение» и Свято-Филаретовским институтом совместно с архивами, музеями, общественными организациями и епархиальными отделами разных регионов России в 2011–2013 годах.

А.В. Маркелов предложил собрать информацию о существующих выставках, таких как «Неперемолотые», «Преодоление», и от имени Церковно-общественного совета по увековечению памяти новомучеников и исповедников Российских рекомендовать их по всем епархиям.

Конференция завершилась в субботу на Бутовском полигоне. Участники служили Божественную литургию в храме новомучеников и исповедников Российских. Там же состоялась презентация Мемориального научно-просветительского центра «Бутовский полигон» и итоговый круглый стол.

Информационная служба СФИ
Фото: сайт ОЦАиД

Из доклада Ольги Филипповой «Просветительские выставки как стимул воскрешения памяти о новомучениках и исповедниках Российских»

В 2011–2013 гг. Культурно-просветительским центром «Преображение» были организованы три выставки церковно-общественной тематики, две из них напрямую связаны с опытом исповедничества и мученичества. Все они готовились на основании солидного ряда архивных источников и исследований. Одну из главных своих задач устроители выставочных проектов видели в акцентировании внимания посетителей на том, что прошедшее столетие оставило нам в наследство не только память о разрушающей силе зла, но и свидетельства о воплощении евангельской нормы; свидетельства о торжестве Правды и Истины, Веры и Надежды; свидетельства о жертвенном служении и милости, о явлении евангельской мудрости, простоты и нищеты; свидетельства о «мирной, но и непримиримой» борьбе добра со злом и о победе над злом; свидетельства об опыте созидания церковной жизни в условиях гонений, об опыте верности Богу до конца; свидетельства любви к Богу и человеку – как ближнему, так и врагу.

Наш первый выставочный проект этого ряда называется «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале». Он посвящён истории гонений на церковь в XX веке на примере Уральского региона, куда до 1917 года входили Пермская, Челябинская, Екатеринбургская, Вятская, Уфимская и Кунгурская епархии. Основными темами экспозиции являлись: 1) показ типичной для всей страны картины разрушения церкви и репрессий в отношении верующих; 2) рассказ об опыте жизни по Евангелию и мучениче-

ской кончине новых святых XX века – как епископов, священников и диаконов, так и мирян.

С момента своего создания (февраль 2011 года) выставка «Неперемолотые» прошла с большим успехом в 20 городах нашей страны (в Подмоскowie, Санкт-Петербурге, Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Томске, Архангельске, Пскове, Воронеже, Алапаевске, Хабаровске и других городах). Выставка была развёрнута как в музеях (что связано с необходимостью обеспечения сохранности оригинального материала), так и (там, где это было возможно) на церковной территории, например, в Патриаршем подворье в Екатеринбурге. Также работа над выставочным проектом практически всегда шла в сотрудничестве с епархиальными отделами или епархиальными комиссиями по канонизации. Во многих местах экспозиция выставки дополнялась местными материалами, которые представляли епархии, архивы, музеи, отделения общества «Мемориал», церковные историки и краеведы. Иногда потомки священнослужителей и верующих мирян после посещения экспозиции приносили на выставку или в дар нашему музею то, что сохранилось в их семьях, – фотографии и документы эпохи гонений. Возможность дополнить нашу передвижную выставку материалом, собираемым в епархиях, оказалась существенной как для тех, кто трудится на этой ниве, так и для местных верующих. Стало понятно, что для людей важно помнить новомучеников и исповедников, живших на их земле. Многие люди, посетившие выставку «Неперемолотые», просили нас сделать аналогичную на

местном материале. В некоторых городах после проведения выставки местные исследователи и музейщики решили организовать, подобные на «своём» материале (Санкт-Петербург, Томск). Также выставка явилась вдохновением и для тех, кто пока ещё работает в одиночку, многие почувствовали поддержку своим трудам. Работа над выставочным проектом всякий раз собирала и заинтересованных в этой тематике людей – и церковных, и нецерковных; завязалось много знакомств с музеями, архивами, библиотеками. Такая совместная работа со светскими организациями всегда представляет возможность свидетельства о Церкви людям ещё не верующим и ищущим, в первую очередь – интеллигенции, образованным людям, специалистам-краеведам, музейщикам. Следующий наш выставочный проект, о котором надо сказать в рамках этой конференции, называется «Non licet vos esse: Не должно вам быть». Он был приурочен к 90-летию репрессивной кампании 1922 года, именуемой в советской историографии как «кампания по изъятию церковных ценностей». Основными темами экспозиции явились: 1) голод в России 1921–1922 годов; 2) политика большевиков в отношении церкви в этот период; и 3) сопротивление верующих по отношению к антицерковной кампании, развернувшейся в стране.

Дата создания проекта – апрель 2012 года. Выставка с успехом прошла в храме Христа Спасителя, в городах Ярославской области, в Туле, в Государственном центральном музее современной истории России в Москве, где по просьбе сотрудников музея выставку дважды

На выставке «Non licet vos esse. Не должно вам быть» в храме Христа Спасителя

продлевали, а теперь проходит в кафедральном соборе Воронежа.

Третий выставочный проект КПЦ «Преображение» частично затрагивает тему гонений XX века и посвящен 160-летию со дня рождения Н.Н. Неплюева, широко известного общественного и церковного деятеля дореволюционной России, и называется «Он не преклонился перед силой факта».

...В заключение хочется выразить надежду на то, что нам, сегодняшним церковным людям, удастся увидеть, чему мы можем научиться у новомучеников и исповедников, чтобы в нас хоть в какой-то мере узнавался опыт их веры и жизни, чтобы в сегодняшней церкви люди видели преемственность со святыми XX века. Их опыт сейчас начинает постепенно выявляться (через восстановление имён, через свидетельства о том, как молились, общались, как и чем жили новомученики и исповедники), но его ещё необходимо и осмыслить, и воспринять, – понять, что они хотели нам сказать и что мы поняли из того, что они нам сказали.

Преодоление смуты

Начало на с. 1

Моей дочери (так же, как и всем ученикам начальных классов) 1 сентября подарили стихотворную книжечку об истории Москвы. Более того: попросили на ближайшем уроке пересказать содержание. Оставим в стороне качество стишков; но каково же было моё изумление, когда, перелистнув страницу с красивой фотографией построенного к концу XIX века храма Христа Спасителя, я вместе с дочкой прочитала: «Век двадцатый быстро мчится и Москва – опять столица... поднимаются кварталы, ещё краше Москва стала!» Какое уж тут покаяние...

Но что тогда? Путь по-прежнему остаётся только один, и он, так же, как и тогда, связан с исцелением сознания и изменением пути.

Взрыв храма Христа Спасителя. Фото 1931 года

Смуты

Для того, чтобы выход стал возможным, надо ясно увидеть, где мы находимся, кто мы. Ведь нам иногда кажется, что последнее столетие не слишком выделяется в ряду других. Да, оно отмечено участием страны в двух мировых войнах, двумя революциями, миллионными репрессиями, не однажды обрушивавшимся на страну голодом – но если мы оглянемся на нашу историю, мы увидим в ней множество тяжёлых, в том или ином смысле «смутных» или горьких периодов. Усобицы князей, предававших и убивавших друг друга в борьбе за власть (достаточно прочитать Карамзина, чтобы понять, как это было жестоко и страшно). Иноземное иго. Царствование Ивана Грозного – казни, опричнина, убийство митрополита, осмелившегося осудить злодеяния. Царствование несчастного Фёдора Иоанновича, тихого, кроткого и благочестивого – но совершенно неспособного взять на себя ответственность за происходящее в стране... Да и дальше много было такого, чем мы никак не можем гордиться.

Размышляя об этом, невозможно не сказать: да, в нашей истории было много страшного, но глупо и преступно было бы представлять её состоящей только из падений и неудач, как это делали революционные брошюры конца XIX века. В ней всегда было много великого, творческого и в основе своей христианского...

И всё-таки есть разница между разными смутными периодами истории, быть может, похожая на разницу между прожитыми и преодоленными страданиями и заблуждениями – и овладевшим душой и не отпускающим её тягостным бесовским наваждением, которое можно победить лишь терпеливым усилием покаяния. Пророчески найденное Достоевским слово «бесы» относится не только и не столько к тем или иным людям, которых можно было бы, оборачиваясь назад, назвать поимённо и пофамильно, а к самому явлению, к той страшной силе, которая сто лет назад начала затягивать нашу несчастную страну в ловушку искушения. И из всех тяжёлых и горьких периодов истории больше всего переклички мы видим здесь именно со Смутой.

Самым, может быть, явным проявлением духовной сущности этой силы было то, как она воевала против Церкви.

Конечно, Церкви и вообще в мире сем (в ту меру, в которую она сама хранит

подлинность своей жизни) не очень уютно. Наверное, не было ни одного святого, которого бы так или иначе не преследовали; «да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3:12). И в каждом веке вновь и вновь мутное, тёплое, уютенькое болото старается в каждом человеке затмить тот свет, что воссиял миру два тысячелетия назад. Но это – то, что есть и будет всегда; это «удобопреклонность» нашей природы ко злу. А бывает (к счастью, не всегда!) прямое действие тёмной силы. И она стремится только уничтожить.

Разорение

Так вот, храмы на Руси уничтожались массово и планомерно далеко не в каждый тёмный период истории. Даже в период трёхсотлетнего ига в мирное время они не только не разрушались, но даже иногда строились – только в основном деревянные. Первый каменный храм в Центральной Руси, Спасо-Преображенский собор в Твери, был возведён уже в конце XIII века, в 1285 году. В 1326–1327 гг. был построен первый каменный Успенский собор в Московском Кремле.

А вот картина Смуты: «“Тогда, во св. Божиих церквах скот свой затворяху (поляки и русские изменники) и псов во олтарех питаху, освященный ж ризы не токмо на потребу свою предираху... Чин иноческий и священнический не вскоре смерти предаху, но прежде зле мучаще всячески и огнем жгуще, испытующе сокроуиши... св. иконы местныя и царския двери, и сия постилающе под скверныя постели... иныя же св. иконы колюще и вариво и печиво строяще. Из сосудов же церковных ядыху и пияху...” Литовские люди с изменниками-перейаславцами, взявши Ростов, “раку чудотворцову Леонтьеву златую сняха и разсекоша по жеребью, казну ж церковную всю, и митрополию, и градскую, пограбиша, и церкви Божия разориша”. Шайки Сапег и осадил Пафнутиев монастырь, где находились царские воеводы, и, овладев им, “посекоша всех, игумена и братию, и еще до 12 тысяч войска”, а самый монастырь разорили... В Малоярославском монастыре избита врагами вся братия, так что он более десяти лет стоял в запустении... Шайки Лисовского, овладев также после многих приступов монастырем Колязинским, вынули мощи чудотворца Макария из серебряной раки, некогда устроенной Борисом Годуновым, и повергли на земли, а самую раку рассекли, игумена со всею братиею и всех людей побили, всю монастырскую казну взяли и монастырь сожгли... При разорении Толгского монастыря в Ярославле убиты были все иноки и служки в числе 46 человек»².

Урон, нанесённый обителям и храмам Руси в годы Смуты, был огромным. В Москве сгорели от пожара, вызванного поляками Гонсевского, практически все 450 храмов. Соборы Кремля и Китай-города хотя и сохранились, но стояли обобранными и разграбленными: оклады икон, утварь, другие ценности – всё, что не было изъято при Шуйском, было расхищено. В других областях России потери были столь же велики. Многие церкви долгое время после Смуты оставались «ветхи»...

После окончания Смуты и до наступления XX века только война 1812 года была отмечена разграблением и осквернением церквей: в шести епархиях, захваченных неприятелем, пострадали более 600 церквей и более 40 монастырей³.

Именно осквернение храмов и святынь рождало в народе покаянное чувство и стремление к сопротивлению. Так в Смуту родились одно за другим два народных ополчения, преодолевших её, а в войну 1812 года – мощное партизанское движение.

Немного статистики

Наверное, здесь будет уместно – для того, чтобы увидеть, где же находимся

Земский собор 1613 года. Миниатюра из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича». Конец XVII в.

мы в этой системе координат, – привести немного цифр минувшего века⁴.

В 1914 году в Российской православной церкви было 130 (по другим данным – 170) архиереев, 53 234 священника, 15 694 дьякона. Они служили в 78 516 храмах и часовнях. В 1025 монастырях подвизалось 94 629 насельников. За три года Первой мировой войны это количество незначительно выросло: храмов стало 78 767, монастырей 1256, общее количество священников, дьяконов и псаломщиков составляло 120 тысяч, а насельников монастырей – 107 035.

С 1917 по 1941 год в отсутствие иностранной интервенции и большей частью в мирное время количество действующих храмов сократилось до 3732 (из них более трёх тысяч находились на только что присоединённых территориях Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики) – то есть более чем в двадцать раз; закрыты, разорены, уничтожены оказались более 70 тысяч храмов (в сто с лишним раз больше, чем при наполеоновском нашествии). Архиереев осталось 28 (а в 1943 году на свободе были только четверо; и это при том, что с 1917 по 1941 год было хиротонисано более 200 епископов), священников и дьяконов 5665, в 64 монастырях в живых и на свободе оставалось 5100 насельников. Более 70 тысяч священнослужителей и более 100 тысяч монашествующих (а на самом деле значительно больше, ведь кто-то же постригался и рукополагался за эти годы) были убиты, посажены в тюрьмы и лагеря или сосланы.

После «второго восстановления патриаршества» цифры ненадолго и ненадолго увеличились и достигли максимума в 1949–1950 годах: 14 477 храмов (в 1950 году уже меньше), 13 235 священников и дьяконов. Монастырей чуть больше, чем в 1941 году (75), насельников чуть меньше (4787); но после этого момента и вплоть до конца 1980-х цифры неуклонно снижаются до 7 тысяч храмов и меньше, 6–7 тысяч священников и дьяконов, а монастырей с 1964 года на двадцать с лишним лет остаётся на территории СССР всего 16 (шестнадцать).

Даже после массового строительства храмов в последние 25 лет мы далеко не вернулись к цифрам столетней давности. По данным, приведённым на Архиерейском соборе 2013 года, сегодня у нас 33 489 храмов, где хотя бы раз в месяц совершается Божественная литургия; в них служат 29 183 священника и 3073 диакона (общее количество священнослужителей немного больше, но часть из них не служит на приходах). Единственное, в чём мы сегодня превзошли уровень 1914 года, – это в количестве архиереев: их сегодня 290.

Памяти ополчения

Сегодня мы не можем сказать, что разрушению и осквернению святынь в XX веке никто не сопротивлялся. Это не так. Наиболее массовое сопротивление – это время изъятия церковных ценностей в 1922 году. По всей стране проходят показательные процессы и расстрелы «церковников». Всякое сопротивление безжалостно подавляется. И чем дальше, тем меньше (прежде всего, просто физически меньше) остаётся людей, способных к открытому сопротивлению – или хотя бы к открытому равнодушию⁵.

Постепенно, как всякий исторический неуспех, неспособность отстоять свои святыни привела к унынию и отчаянию. Смута XVII века продолжалась меньше, чем длится жизнь одного поколения. Победа и исцеление, родившиеся изнутри, помогли, хотя и далеко не сразу, преодолеть страшное и неизбежное разорение в жизни и душе народа. Смута XX века продолжалась дольше жизни трёх поколений и не изжита до сих пор, ведь исцеляющего внутреннего движения так и не произошло. И это говорит лишь об одном: главное разорение коснулось тех храмов, которые обычно куда труднее разорить, чем деревянные и каменные, – но и куда труднее возродить: человеческих душ. Ими овладели отчуждение и одиночество, равнодушие, безответственность и жестокость – часто незаметно для нас самих: «как будто с известного антропологического, психологического, национального, сословного типа – сдёрнули верхнюю кожу... И – жутко становилось, будто ты попал не в свой народ и на другую планету, и здесь можно ждать всего»⁶.

И только преодолев *это* разрушение, только возродив *эти* святыни можно будет противостоять бесовскому наваждению.

Александра Колымагина

¹ Цитируется по изданию 1909 года.

² Митрополит Макарий. История церкви. Том 5. Отдел 1. Глава 1.

³ Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь. Режим доступа: <http://www.mepa.ru/library/vedomosti/62/1220/>.

⁴ Данные приводятся по изданию: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 429–431.

⁵ Можно вспомнить (к слову) такой эпизод: «В 1927-м году, когда покорность ещё не настолько размягчила наши мозги, на Серпуховской площади днём два чекиста пытались арестовать женщину. Она схватила фонарный столб, стала кричать, не даваться. Собралась толпа. (Нужна была такая женщина, но нужна ж была и такая толпа! Прохожие не все потупили глаза, не все поспешили шмыгнуть мимо!) Распоронные эти ребята сразу смуглились. Они не могут работать при свете общества. Они сели в автомобиль и бежали» (Архипелаг ГУЛАГ. Часть 1, Гл. 1).

⁶ Солженицын А.И. Красное Колесо. Т. 3. Гл. 193.

Мы знаем, ради чего и ради Кого мы полагаем свою жизнь

Начало на с. 1

Проповедь священника Георгия Кочеткова на панихиде в День памяти жертв политических репрессий

Было много людей, которые пошли по первому пути, но было немало и тех, кто шёл по пути второму, иногда действительно не выдерживая абсолютно невыносимых страданий и пыток, часто не помня себя и того, что они делают или говорят, а иногда просто в надежде на то, что всё еще исправится и ещё можно будет что-то вернуть...

История XX века, самого кровавого века во всей человеческой истории, заставляет нас делать выводы и заставляет нас никогда ни за что и ни за кого не держаться больше, чем за Бога. Оказалось, что нельзя, как на Бога, полагаться ни на священно- и церковнослужителей, ни на власти, ни на благородных людей, ни на учёных, ни на родных (часто очень близких родных) – ни на детей, ни на родителей, ни на братьев и сестёр по плоти. Оказалось, что нельзя полагаться на них больше, чем на Бога. И всякий, кто этот урок не выучил, рискует снова попасть в бесконечные и невыносимые мучения и страдания, и уже не только на этой земле, потому что эта страшная зараза человеконенавистничества и убийства распространилась по всему миру и нигде от неё нет спасения, кроме как в обителях Божьих, которыми должны быть все мы.

Пусть же, дорогие братья и сёстры, каждый из нас подумает о том, что ждёт не только его самого в жизни, но и его близких и ближних, его страну, пусть и уполовиненную, но всё ещё как-то существующую. Пусть каждый из нас подумает о Боге, о Христе, о благодати Духа, об истинной Христовой Церкви, о том, что где двое или трое собираются во имя Христа и действуют в Его духе и силе – там Сам Христос, там благодать, там любовь и свобода, там то богатство, которое потерять невозможно, богатство, собираемое на Небесах, а не на земле. Пусть каждый из нас, с одной стороны, держит сердце своё раненным всеми происшедшими страшными событиями XX века, особенно на нашей земле, чтобы покаяться самому и помочь покаяться другим; а с другой стороны, пусть каждый держит своё сердце под целительными лучами благодати, чтобы оно не слишком разрывалось и болело, чтобы никто из нас не впал в уныние и новые искушения. Пусть никто из нас не теряет трезвости в жизни и в то же время вдохновения и благодарности за то, что нам есть у кого учиться. Мы знаем, куда нам идти, мы знаем, ради чего и ради Кого мы полагаем свою жизнь!

Аминь.

Лития в Культурно-просветительском центре «Преображение»

«Без воскрешения памяти жертв у нашей страны нет будущего...»

Начало на с. 3

Московская область, Культурно-просветительский центр «Преображение»

Вера Карулина: К тому дню, когда здесь служилась лития, удалось оформить стенды с фотографиями родственников членов Преображенского братства, которые пострадали во время советских репрессий. Под фотографиями были подписи. Кого только нет среди репрессированных родственников наших братьев и сестёр: вот князья Трубецкие, Голицыны, вот раскулаченные крестьяне, вот инженеры, химики, рабочие, священники, вот новомученики. И какие у них лица! Не у всех сохранились фотографии, некоторые прислали просто тексты. Во время панихиды по невинно убитым отец Георгий Кочетков кадил не только в часовне, но и вышел в коридор и кадил перед этими стендами.

Братья и сёстры, приславшие эту информацию о своих репрессированных родственниках, говорили о том, как важно для них было её собрать. Кто-то рассказывал об этих людях своим детям. Один из братьев сказал, что для него по-другому открылись наши братья и сестры, чьи родственники так или иначе представлены на этих стендах.

Слова молитвы за врагов о. Николая Сильвинского в Преображенской часовне звучали строго и торжественно, и было понятно, что до такой высоты, к которой призывает эта молитва, нам ещё нужно дорасти.

Александра Владимировна Трубецкая (1918–1943). Арестована в Андижане осенью 1937 года. Отказалась давать показания на отца и старшую сестру. Осуждена на 10 лет лагерей, скончалась от болезни сердца в Соликамском лагере (фотография и подпись с одного из стендов)

Санкт-Петербург, перекресток улиц Некрасова и Маяковского

Олег Куликов: Ощущения мои смешанные – иногда просто на глаза наворачивались слёзы, иногда понимал, что хоть что-то сделал, чтобы смыть наш общий национальный позор, – пришёл, помолился, помянул. Каждый читал по одной странице. Увидев постер и услышав чтение имён, присоединялись случайные прохожие... За каждым именем личность и трагическая судьба. Судьба, исковерканная страшной несправедливостью. Даже преступники не могут быть наказаны так. Убили, оклеветали, забили. Даже права на могилу не оставили этим людям, даже права на плач родных над гробом их. Прочитать имя, поклониться их памяти – всё, что мы можем сделать, всё, что можем положить на чашу весов, но на другой чаше – непоправимое... Даже простое перечисление имен этих людей, таких разных по возрасту, профессии, национальности, – говорит об их безвинности. Рабочие и священники, крестьяне и директора заводов, учёные и литераторы. Униженные, избитые, оскорблённые. Без таинств и покаяния, без последнего свидания и надгробного памятника...

Пусть не мы убивали их, но и на себе я ощущаю эту вину. Потому что и я – плоть от плоти этого народа. Народа расстрелянного, но и народа стрелявшего, предававшего, терпевшего это беззаконие... С одной стороны – безвинно страдавшие, с другой – узаконенные преступления и никогда не раскаявшиеся злодеи. И их – тоже жаль. Ничего нет страшнее (с точки зрения христианства) и безнадежнее убийц и иуд, до конца, до гробовой доски уверенных в своей правоте. И всё, что я мог – это прийти и прочитать эту страницу, с памятью и столь опоздавшим – не на

одно поколение – сочувствием, сопереживанием, раскаянием и просьбой о прощении...

Я хочу, чтобы каждый прочитал хотя бы эту страницу с именами невинных страдальцев (пусть и в переносном смысле) и представил себя на их месте. Только тогда, когда мы попросим прощения и осознаем всё это – есть надежда на какое-то будущее нашей страны и народа. Для меня эта прочитанная страничка – это какое-то метафизическое таинство, через которое должна пройти вся Россия, чтобы очиститься, чтобы перестать быть неизвестно чем...

Большое спасибо организаторам.
(Из отклика ВКонтакте)

Тверская область, посёлок Литвинки, у часовни свт. Иоанна Шанхайского

Ксения Цветкова: «К чему все эти имена?», «Зачем вам это нужно – тратить время, силы?..», «А причем тут вообще церковь?» – такие вопросы задавали 30 октября жители посёлка Литвинки, одного из самых отдалённых районов Твери, где тверские Боголюбское и Спасское малые православные братства проводили ставшее уже доброй традицией молитвенное поминовение жителей Твери, пострадавших в годы советских репрессий.

Для большинства людей это был обычный вечер буднего дня, такой же, как в любом другом спальном районе. Люди, возвращаясь с работы, спешили в магазин, пробежали мимо недавно открытой часовни. Но в этот дождливый вечер всё было по-другому: казалось, что во всём микрорайоне были слышны имена, даты и страшное слово «расстрелян»... Так зачем всё это нужно? И с каждым годом нужно всё большему числу людей?

Ключевым словом в ответе на эти вопросы было слово «память»: память об имени, память о человеке, его судьбе, судьбе народа... Владимир Лавренов в своём вступительном слове отметил, что наш народ спит, пытается отгородиться от болезненных воспоминаний, будь то воспоминания личные или общие, и одна из целей такого молитвенного поминовения – попытка пробудить, воскресить память, прежде всего в себе и в ближних. Память как о конкретных людях, так и о кровавых страницах истории страны. Молитвенное чтение имён проводилось в Твери уже третий год подряд, но впервые за пределами исторического центра города: в этом году имена репрессированных звучали и на Соборной площади, у часовни в честь всех Тверских святых, и в

микрорайоне Литвинки у часовни Иоанна Шанхайского. На протяжении четырёх часов, с пяти до девяти, члены Преображенского братства, приглашённые друзья и просто прохожие вместе читали, вспоминали, молились. Для большинства прохожих дата 30 октября ничего не говорила. Услышав про «жертв репрессий», кто-то терял интерес к происходящему и шел дальше по своим делам, кто-то же останавливался, слушал, искал в книге своих родственников, присоединялся к чтению, спотыкался на словах «крестьянин», «учитель», «рабочий», «домохозяйка», недоумевая, где же «враги народа», о которых кричала пропаганда...

По словам одного молодого человека, присоединившегося к чтению случайного прохожего, прочитанная страница стала своего рода покаянием, способом попросить прощения, так как «все мы вышли из народа, расстреливаемого и расстреливавшего».

Чтение завершилось. Но воспоминание о людях – нет. Конечно, за четыре часа, пусть и в разных местах, невозможно помянуть всех. Но важно то, что из небытия возвращались имена конкретных людей, большинство из которых было лишено даже могильной плиты. Но в этот промозглый октябрьский вечер были сердца, в которых пробудилась память, в которых эти обречённые на забвение люди оживали...

Екатеринбург, ул. Ленина, 17, бывшее здание НКВД

Екатерина Недзельская: О том месте, где проходило чтение имен, когда-то написал в статье «Надо помнить» доктор исторических наук Алексей Мосин: «В этом здании на проспекте Ленина решалась судьба людей, здесь начинался смертный путь многих десятков тысяч обречённых... Стоя напротив этого здания в самом центре современного Екатеринбурга, я думаю о том, знают ли проходящие мимо него жители и гости нашего города, какое это страшное место?»

Мой отец был репрессирован, когда я была девочкой, и нас с братом много лет клеймили как «детей врага народа». Я до сих пор чувствую эту боль.

Наше участие в акции «Возвращение имён» я воспринимаю как покаяние, которое может принести плод, если мы в себе преодолеем страхи, раздвоенность, рознь мира. У Бога в памяти все имена есть, но важно, что пробуждается память человеческая, и люди могут менять прошлое, настоящее и будущее.

Плоды 25-летия

Издательство Свято-Филаретовского института готовит к печати восьмой номер альманаха «Свет Христов просвещает всех». Открывает издание впервые публикуемая на русском языке статья архимандрита Роберта Тафта, написанная по следам дискуссии об атрибуции литургии, описанной в «Мистагогии» преподобного Максима Исповедника

Как и предыдущий выпуск, нынешний – юбилейный, то есть также выходит в год 25-летия Института и также содержит работы его преподавателей и членов Попечительского совета. Но если в предыдущий выпуск вошли работы по богословской и философской тематике, то нынешний включает статьи по литургике, истории церкви и церковного искусства и общегуманитарным исследованиям. Открывает альманах статья «Литургия, описанная в “Мистагогии” Максима Исповедника: византийская, палестинская – или иная?», которая впервые публикуется на русском языке. Это работа крупнейшего современного литургиста архим. Роберта Тафта, предложенная для публикации самим автором. В ней он критикует недавнюю гипотезу, взбудоражившую специалистов по истории византийского богослужения и касающуюся того, к какому литургическому семейству (в данном случае, Византийскому или Иерусалимскому) относить литургию,

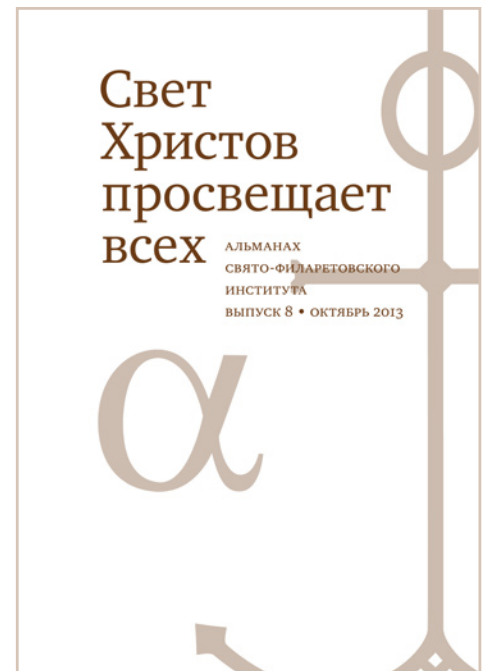
чьё описание дается в «Мистагогии» прп. Максима Исповедника. Статья К.П. Обозного, заведующего кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ, рассказывает о проблеме, обычно возникающей во время церковных кризисов, когда внутри церкви нарушается единство и происходят расколы. Это проблема лжесвященства и самосвятства на примере временно оккупированных территорий Северо-запада России в 1941–1944 годах. В статье доктора искусствоведения проф. О.С. Поповой «О стиле византийского искусства VI–VII веков» читатель знакомится с двумя тенденциями развития византийского искусства того времени: одна из них – создание образа с помощью старых классических средств путём небольшого их видоизменения, второе – замена классического художественного языка языком более строгим и от античности далёким.

Цель статьи преподавателя СФИ А.В. Журавского «Образ пророка Моисея

в трёх теистических традициях» – показать, как образ Моисея в Коране и мусульманском предании соотносится с его трактовками в иудейской и христианской традициях.

В статье преподавателя СФИ Г.Л. Муравник поднимается проблема синтеза науки и религии, существующая уже не одно столетие. По мнению автора, диалог между Церковью и научным миром необходим для решения современных миссионерских задач. Однако стремление механически соединить «данные науки и Откровения», как правило, приводят к искажению того и другого. В частности, в статье критикуется феномен «научного креационизма».

Как видно из перечисленного, тематика альманаха разнообразна, но, несомненно, публикуемые в нём материалы заинтересуют специалистов в данных областях, а также тех, кто стремится к расширению и углублению своего духовного образования.

«Кажется, мы в чём-то до конца не разобрались...»

В издательстве Преображенского содружества малых православных братств вышел второй выпуск из серии книг «Русская катастрофа XX века и перспективы преодоления её последствий»

Новый сборник материалов, подготовленный группой «Церковно-общественные инициативы», озаглавлен чуть измененным фрагментом строки стихотворения О.Э. Мандельштама: «В ком сердце есть – тот должен слышать, время, как твой корабль ко дну идет». Когда-то поэт, уничтоженный советской властью, обращался в первую очередь к собратьям по перу, но в заглавии этой книги его слова звучат уже как призыв к каждому, кто взял её в руки, – проверить, не «барахлит» ли у нас этот жизненноважный орган, не покрылся ли он коркой льда.

Как и первая книга, вторая посвящена теме осмысления нашего советского прошлого и, прежде всего, как указывают составители сборника, того антропологического эксперимента, последствия которого трагически отзываются в нашем настоящем. «Не замечая aberrаций нашей памяти, мы с удовольствием поём советские песни, смотрим советские фильмы и сетуем, что потеряли спокойную, “социально защищённую” жизнь советского человека. Что же нас так почти магически притягивает к этому прожитому страной времени? Кажется, что мы в чём-то до конца не разобрались, что-то так и не поняли...» Приглашая читателя разбираться и понимать, книга начинается с постановки проблемы. В советское время любили говорить: «Человек! Это звучит гордо!» Однако при этом советская власть сделала всё, чтобы тот самый человек затерялся там же, где и горьковский персонаж, который эту фразу запустил в обиход, то есть «на дне». Замечательной иллюстрацией этого унижения человеческого достоинства служат фотографии, размещённые на одном развороте книги: с одной стороны – лица людей, собравшихся за семейным столом на Пасху 1888 года, с другой – лица людей, собравшихся в очередь в 70-е годы XX века. Пожалуй-ста, сравнивайте.

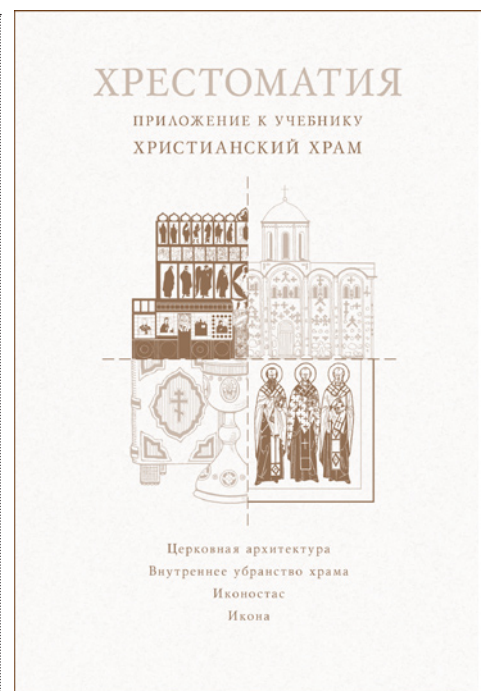
Впрочем, книга «В ком сердце есть – тот должен слышать время» не заканчивается постановкой проблемы. Иначе как бы мы могли начать с ней разбираться, что-то понимать, чтобы вместо беспросветного уныния выйти к покаянию для новой жизни? Большую часть книги составляют материалы, появившиеся в результате регулярных попыток собирания живых сил в Церкви и обществе Преображенским братством. Это рассказы о людях, через опыт жизни которых мы можем, если внимательно к ним приглядимся, найти пути преодоления русской катастрофы XX века и возрождения человека. Это свидетельства о судьбах исповедников веры, людей, искавших правды в условиях «жизни по лжи». Это и материалы встреч с нашими современниками, деятелями культуры, которые продолжают искать эту правду сегодня.

В издательстве Свято-Филаретовского института вышло новое учебное пособие по авторскому курсу А.М. Копировского «Эстетика и религиозное искусство»

Учёный совет института рекомендует его к прочтению студентам гуманитарных специальностей, однако книга будет интересна всем, кто всерьёз начинает интересоваться или давно интересуется церковным искусством

Хрестоматия представляет собой приложение к учебнику «Христианский храм». В его последнюю редакцию уже входило приложение с несколькими текстами, позволяющими, как пишет автор хрестоматии, «дополнить представления студентов о христианском храме, полученные в результате его изучения в лекционном курсе, просмотра репродукций и посещения самих храмов». Теперь таким текстам посвящена целая книга.

Хрестоматия разбита по разделам, которые соответствуют разделам учебника: о храмовой архитектуре, внутреннем убранстве храма (роспись, мозаика, алтарная преграда-иконостас) и иконописи. Каждый из них наполнен текстами, написанными в разных жанрах, для разных целей, разными людьми и в разные исторические эпохи, начиная с эпохи Ветхого Завета и заканчивая нашими днями. Это отдельные тексты из Священного писания Ветхого и Нового завета, святоотеческие писания (в первую очередь – значительные фрагменты из трёхтомника «Святые отцы о богослужении», изданного в середине XIX века и являющегося библиографической редкостью), впечатления современников постройки и украшения того или иного храма, высказывания архиереев, священников, монахов и мирян о церковном искусстве в целом, об отдельных храмах, системах росписи, иконах и иконописцах; выдержки из исследований специалистов по церковному искусству. В том числе в хрестоматию вошли и отрывки из художественных

произведений. И если отрывок из рассказа Н. Лескова «Запечатленный ангел» кажется вполне традиционным выбором для подобного издания, то неожиданностью для читателя предстаёт эпизод из повести М. Горького «В людях», ярко показывающий быт иконописной мастерской XIX века. Несомненно, достоинством хрестоматии является и то, что в ней представлен взгляд на церковное искусство не только великих людей, живших в далёком прошлом, но и современных нам учёных и художников. На её страницах мы найдём выдержки из высказываний и размышлений о церковном искусстве, его нынешнем состоянии и перспективах его существования известного иконописца архим. Зинона (Теодора), мозаичиста Александра Корноухова и др. Такой подход к подбору текстов помогает читателю воспринимать церковное искусство не как «преданья старины глубокой», а как нечто живое и всегда настоящее.

От чего нужно отказываться человеку, когда он приходит к Богу

На вопросы Открытых
(миссионерских) встреч
отвечает катехизатор
В.И. Якунцев

Рембрандт ван Рейн. Притча о сокровище, скрытом в поле, 1684 г.

Иван Карамазов говорил, что легко

любить все человечество – но как любить человека, ведь это очень сложно?*

В этом Иван Карамазов прав, потому что любовь к человечеству – это идея, которая может стать даже некой идеологией. А конкретного человека очень сложно сделать идеей – фактически нельзя. Он конкретен. Кстати, именно поэтому христианство фокусируется в свидетельстве не просто о Боге, но еще и о Христе – потому что даже Бога можно представить в качестве идеи, какого-то отвлеченного образа. И в этом смысле люди легко могут согласиться на веру в Бога. Но мы исповедуем веру в Бога, Который явлен во Христе, а Христос – это и конкретный Человек, и из Него достаточно сложно сделать абстрактную идею. (Хотя и это некоторым удастся). Поэтому любить Бога и любить человека в христианстве – это практически одно и то же: ведь это значит любить Христа, выявив свои отношения к Нему.

Настигнутый радостью

Исполнилось 50 лет со дня кончины одного из крупнейших христианских апологетов XX века Клайва Стейплза Льюиса

Трудно сказать, почему краткое слово свидетельства, звучащее со страниц его книг (а в годы Второй мировой войны – и в радиопередачах службы религиозного вещания Би-Би-Си) так трогает сердце современного человека. Может быть, потому, что он, как и многие из нас, всерьез пришел к вере уже взрослым, тридцатилетним. То, что для других было теряющей свой смысл привычкой, для него (как и для его старшего современника, Честертона) стало открытием, которым невозможно не поделиться.

Он не боялся вместе с читателями и слушателями задавать себе острые, иногда провокационные вопросы – и вместе искать на них ответ.

В наше время информационных потоков и какой-то успокоенности трудно добудиться до человека, до самого себя. Как можно проснуться? И есть ли опыт преодоления себя?

Во все времена есть какие-то сложности, которые препятствуют тому, чтобы человек проснулся. Сейчас это

* В «Братьях Карамазовых» есть несколько разных цитат, не совпадающих с этой буквально, но так или иначе соответствующих ей: «Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван: – Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних... Чтобы полюбить человека, надо чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь» (Книга пятая. «PRO И CONTRA»). «Это точь-в-точь как рассказывал мне, давно уже, впрочем, один доктор, – заметил старец (в ответ на замечание экзальтированной дамы – Ред.). – Человек был уже пожилой и бесспорно умный. Он говорил так же откровенно, как вы, хотя и шутя, но скорбно шутя; я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то-есть порошны, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и может быть действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта» (Книга вторая. «Неуместное собрание»).

От чего нужно отказываться человеку, когда он приходит к Богу

На вопросы Открытых (миссионерских) встреч отвечает катехизатор
В.И. Якунцев

Начало на с. 1

информационные потоки, когда-то были другие вещи – например, ко-лоссальная забота о хлебе насущном. Сегодня мы добываем себе и средства для пропитания, и жилье с меньшими затратами труда и времени, нежели тысячу или полторы тысячи лет назад, но при этом сталкиваемся с теми проблемами, о которых вы говорите. Но, как бы то ни было, во все времена у человека – и мы в это верим – есть ядро, некая искра, которая может быть проявлена, разожжена, когда ее касается слово Божие.

Как проснуться? Как я уже сказал, это может произойти, когда слышишь слово Божие. И еще – важно помнить: если хочется проснуться, то это уже признак пробуждения. Можно даже начать с простой молитвы, встать и сказать: «Господи, даруй мне проснуться для Тебя, разбуди мою совесть». И эта молитва обязательно будет исполнена Господом.

Что такое Божье призвание? Чем оно отличается от обычного призвания, скажем, профессионального, творческого?

Оно отличается тем, что учитывает всего человека в целом, до конца. Оно не делит человека на части, не препарирует его. Профессиональное призвание всегда «меньше» человека,

и в этом опасность слишком большого посвящения себя профессиональному призванию, потому что когда человек начинает вкладывать в него всю душу, он неизбежно сужается, какие-то вещи усекаются и это может привести к несчастью на фоне профессионального успеха, как это ни странно.

Вдохновение и благодать – это одно и то же?

Да, это фактически одно и то же. Правда, здесь нужны некоторые комментарии. Эти слова все-таки имеют достаточно разное значение в обиходном языке и в церковном, богословском лексиконе. Потому что почти всегда, когда о вдохновении, благодати говорится в обиходе, речь идет о некоторых душевных состояниях подъема, душевного раскрепощения, какого-то эмоционального комфорта, бодрости. А при строгом понимании этого слова в церковном контексте имеется в виду сила и возможность для человека исполнять свое призвание от Бога вопреки внешним обстоятельствам, вопреки каким-то внутренним сложностям и конфликтам – то, что обычный человек вне вдохновения и благодати просто не может совершить. Его эти обстоятельства внешне и внутренне просто замкнут, блокируют. А человек, имеющий вдохновение, имеющий бла-

годать, неостановим. У него есть та опора внутри, та сила, которая позволяет не прогибаться под обстоятельствами, а наоборот, изменять эти обстоятельства.

Когда человек приходит к Богу, от чего ему нужно отказываться? Например, сейчас я очень люблю слушать Луи Армстронга, а вдруг, когда я приду к Богу и в Церковь, меня это уже не будет греть? Мне бы этого не хотелось.

Отказываться нужно от пути греха, от зла и от всякого проявления смерти, и отказываться совершенного бескомпромиссно. Но конкретизировать эти вещи, конечно, нелегко. Здесь нужно какое-то углубление, познание. Важно помнить, что отказ от чего-либо на пути к Богу всегда связан в первую очередь с обретением чего-то. Недаром в евангельских притчах прежде чем продать что-то, человек всегда что-то обретает. Например, в известной притче про поле, на котором человек находит клад, и настолько рад, что его нашел, что идет и продает все, чтобы купить это поле. Порядок именно такой: сначала он находит поле с кладом. Поэтому когда человеку сложно, когда ставится вопрос о том, чего он лишится, то в первую очередь нужно еще задать вопрос: «А что я обрел?» И тогда как-то легче все остальные вопросы выстраивать.

Настигнутый радостью

Начало на с. 1

И этот найденный, пережитый, а не просто вычитанный в учебнике и аккурратно переписанный ответ особенно убедителен. Ведь только в личностном переживании и может по-настоящему жить, не старея, христианское Предание.

Его книги – цикл сказок «Хроники Нарнии», религиозно-философские эссе, фантастическая трилогия – при всем разнообразии жанров можно скорее назвать притчами. А в чем-то и учебниками: трудно сегодня найти более внятное начальное пособие по аскетике, чем «Письма Баламута».

Еще одно объединяет все его про-

изведения – то, что само по себе уже является апологией: они все удивительно радостны, даже если речь в них идет о трагических событиях; они все причастны свету Воскресения. А его духовная автобиография так и называется: «Настигнут радостью».

В этом номере мы публикуем фрагмент из самой известной притчи Льюиса – «Расторжение брака». Это книга о том, как человек в самых разных ситуациях выбирает Жизнь вечную – или отказывается от неё; и мне всегда казалось, что это и рассказ о том, как человек приходит в Церковь – или остается вне её стен.

На обложке одного из изданий «Расторжения брака» воспроизводится известное изображение Лестницы

Из притчи «Расторжение брака»

Блейк писал о браке Неба и Ада. Я пишу о расторжении этого брака не потому, что считаю себя вправе спорить с гением, — я даже не знаю толком, что он имел в виду. Но, так или иначе, люди постоянно тиснятся сочетать небо и ад. Они считают, что на самом деле нет неизбежного выбора и, если хватит ума, терпения, а главное — времени, можно как-то совместить и то и это, приладить их друг к другу, развить или истончить зло и добро, ничего не отбрасывая. Мне кажется, что это тяжкая ошибка. Нельзя взять в путь все, что у тебя есть, иногда приходится даже оставить глаз или руку. Путь нашего мира — не радиусы, по которым, рано или поздно, доберешься до центра. Что ни час, нас поджидает развилка, и приходится делать выбор. Даже на биологическом уровне жизнь подобна дереву, а не реке. Она движется не к единству, а от единства, живые существа тем более разнятся, чем они совершеннее. Созревая, каждое благо все сильнее отличается не только от зла, но и от другого блага.

Я не считаю, что всякий, выбравший неверно, погибнет, он спасется, но лишь в том случае, если снова выйдет (или будет выведен) на правильный путь. Когда сумма неверна, мы исправим ее, если вернемся вспять, найдем ошибку, подсчитаем снова, и не исправим, если просто будем считать дальше. Зло можно исправить, но нельзя перевести в добро. Время его не врачует. Мы должны сказать «да» или «нет», третьего не дано. Если мы не хотим отвергнуть ад или даже мир сей, нам не увидеть рая. Если мы выберем рай, нам не сохранить ни капли, ни частицы ада. Там, в раю, мы узнаем, что все при нас, мы ничего не потеряли, даже если отсекали себе руку. В этом смысле те, кто достойно совершил странствие, вправе сказать, что все — благо и что рай всюду. Но пока мы здесь, мы не вправе так говорить. Нас подстерегает страшная ошибка: мы можем решить, что все на свете — благо и всюду — рай. «А как же земля?» — спросите вы. Мне кажется, для тех, кто предпочтет ее небу, она станет частью ада, для тех, кто предпочтет ей небо, — частью рая.

Почему-то я ждал автобуса на длинной уродливой улице. Смеркалось, шел дождь. По таким самым улицам я бродил часами, и все время начинались сумерки, а дождь не переставал. Время словно остановилось на той минуте, когда свет горит лишь в нескольких витринах, но еще не так темно, чтобы он веселил сердце. Сумерки никак

не могли сгуститься в тьму, а я никак не мог добраться до мало-мальски сносных кварталов. Куда бы я ни шел, я видел грязные мебелишки, табачные ларьки, длинные заборы, с которых лохмотьями свисали афиши, и те книжные лавчонки, где продают Аристотеля. Людей я не встречал. В городе как будто не было никого, кроме тех, кто ждал автобуса. Наверно, потому я и встал в очередь.

Мне сразу повезло. Не успел я встать, как маленькая бойкая женщина прямо передо мной раздраженно сказала спутнику:

— Ах, так? А я возьму и не поеду! — и пошла куда-то.

— Не думай, — с достоинством возразил мужчина, — что мне это нужно. Ради тебя стараюсь, чтоб шуму не было. Да разве кому-нибудь до меня есть дело? Куда там...

И он ушел.

«Смотри-ка, — подумал я, — вот и меньше на два человека».

Теперь я стоял за угрюмым коротышкой, который, метнув на меня злобный взгляд, сказал соседу:

— Из-за всего этого хоть не езжай...

— Из-за чего именно? — спросил его высокий краснолицый мужчина.

— Народ черт знает какой, — пояснил коротенький. Высокий фыркнул и сказал не то ему, не то мне:

— Да плюньте вы! Нашли кого бояться.

Я не реагировал, и он обратился к коротенькому:

— Значит, плохи мы для вас?

И тут же ударил его так сильно, что тот полетел в канаву.

— Ничего, ничего, пускай полежит, — сказал он неизвестно кому, — я человек прямой, не дам себя в обиду.

Коротенький не стремился занять свое место. Он медленно заковылял куда-то, а я не без осторожности встал за высоким. Тут ушли под руку два существа в брюках. Оба визгливо хихикали (я не мог бы сказать, кто из них принадлежит к какому полу) и явно предпочитали друг друга месту в автобусе.

— Ни за что не втиснемся!.. — захныкал женский голос человека за четыре до меня.

— Уступлю местечко за пять монет, — сказал кто-то. Зазвенели деньги. Раздался визг, потом хохот. Женщина кинулась на обманщика, очередь сомкнулась, и место ее исчезло. Когда пришел автобус, народу оставалось совсем немного. Автобус был прекрасен. Он сиял золотом и чистыми, яркими красками. Шофер тоже сиял. Правил он

одной рукой, а другой отгонял от лица липкий туман. Очередь взвыла:

— Ничего устроился!

— Форсу-то, форсу!

— Ух, смазал бы я его!

Шофер, на мой взгляд, не оправдывал таких эмоций, разве что твердо и хорошо вел машину. Люди долго давили друг друга в дверях, хотя там было достаточно места. Я вошел последним...

... Над нами снова нависла скала.

Она шла отсюда и вверх и вниз, дна я не различал, поверхность была темной и мшистой. Мы поднимались вверх. Наконец мы увидели сверху ярко-зеленую тонкую черточку, ровную, как струна. Вскоре мы достигли ее и заскользили над поросшей травой равниной, по которой текла большая река. Мы явно спускались — верхушки высоких деревьев были все ближе. Вдруг автобус встал. Мы подпрыгнули на сиденьях. Спутники мои ринулись гурьбой к выходу, толкаясь и бранясь на все лады. Я остался один и услышал, как за закрытой дверью в ясной тишине поет жаворонок.

Вышел и я. Было светло и прохладно, как летним утром, минуты за две до восхода солнца, но само пространство показалось мне иным, незнакомым, каким-то особенно большим, словно и небо здесь дальше и поляна просторней, чем на маленьком шарике Земли. Я как бы вышел наружу, и даже Солнечная система была теперь домашней, почти игрушечной. Мне стало свободно и страшновато, и от обоих этих чувств я не отделался до конца описываемых здесь событий. Описать эти чувства я не могу и вряд ли добьюсь того, что вы, читая мой отчет, будете о них помнить. У меня просто руки опускаются — как же передать, как выразить то, что я видел и слышал?

Сперва я, разумеется, взглянул на своих спутников, еще стоявших у автобуса, хотя кое-кто и сделал два-три неуверенных шага. Взглянул и обомлел. Теперь на свету они казались прозрачными — совсем прозрачным, когда стояли между мной и светом, и мутноватыми, когда стояли в тени. Говоря строго, они были призраками. Их можно было и не видеть, как грязь на оконном стекле. Травы под их ногами не сминалась, даже капли росы не осыпались на землю.

Потом я увидел все иначе. То ли в уме, то ли в глазах моих что-то сдвинулось, и люди стали обычными, а трава и деревья очень плотными и весомыми, так что по сравнению с ними люди казались прозрачными. Догадка мелькнула в моем мозгу, я наклонил-

ся и попробовал сорвать ромашку. Стебель рваться не стал. Он даже не откручивался, вообще не двигался, хотя я ободрал об него руки и весь вспотел. Ромашка была твердой не как дерево и не как железо, а как алмаз. Рядом с ней лежал маленький листок. Я попытался его поднять, сердце чуть не разорвалось, но немножко я этот листок приподнял. Однако тут же и выронил – он был тяжелее мешка с углем. Я стоял, тяжело дышал и глядел на ромашку, как вдруг заметил, что вижу траву сквозь свои ступни. Значит, и я – призрак. Мне стало до тошноты страшно. «Вот это да! – подумал я. – Попался...»

– Не хочу, не хочу! – закричал кто-то. – Нервы не выдержат!

Мимо меня к автобусу пронесся призрак женского пола. Больше я его не видел.

Прочие топтались на месте.

– Эй, как вас! – сказал шоферу высокий. – Когда обратно пойдем?

– Можете и совсем не ехать – отвечал шофер. – Сколько хотите, столько здесь и будете.

Где-то вдали виднелись не то облака, не то высокие горы. Порой мне удавалось разглядеть какие-то леса, глубокие долины и даже города на высоких склонах, порой все это исчезало. Горы были невообразимо высоки, я не мог охватить их взглядом. За ними брезжил свет, на земле лежали длинные тени, но солнце не появлялось.

Время шло, и я наконец увидел, что к нам идут люди. Они так сверкали, что я различил их издали и сперва не понял, люди ли это. Они приближались, земля дрожала под их тяжелыми шагами. Ступали они по мокрой траве, она сминалась, роса осыпалась на землю, и снизу поднимался запах свежести. Одни были одеты, другие обнажены, но обнаженные были нарядны, а одежды не скрывали прекрасных очертаний тела. Меня поразило, что ни про кого нельзя сказать, сколько ему лет. У нас на земле мы видим иногда мудрость на лице младенца или веселую простоту старика. Здесь каждый был и стар и молод. Люди приближались, и я ощущал смутную тревогу. Два призрака заорали и кинулись к автобусу, остальные сгрудились поплотнее.

Сверкающие люди подошли совсем близко, и я понял, что каждый идет к кому-то из нас. «Сейчас нависаю трогательных сцен, – подумал я. – Может, не деликатно на них смотреть?». И я отошел, словно хотел исследовать местность. Справа росли большие красивые кедры. Я направился к ним. Идти было трудно. Твердая трава с непривычки резала ноги, и я ступал, как русалочка у Андерсена. Пролетела птица, я ей позавидовал. Она была здешняя, настоящая, как трава. Под ее весом

согнулся бы стебель, и роса посыпалась бы на землю.

За мной пошел высокий человек, вернее, высокий призрак, а за ним – один из сияющих людей или сияющих духов.

– Ты что, не узнал меня? – крикнул он Призраку, и я поневоле обернулся. Сияющий Дух был одет, а лицо у него светилось такой радостью, что я чуть не заплясал на месте.

– Черт меня дерит? – сказал Призрак. – Увидишь – не поверишь. Нет, Лем, это уж черт знает что. А как же Джек? Ты вот расплылся до ушей, а Джек, Джек-то как?

– Он здесь, – отвечал Дух. – Ты его скоро увидишь, если останешься.

– Да ты же его убил!

– Верно, убил. А теперь все в порядке.

– В порядке, значит? Это для тебя, что ли? А он, бедняга, мертвый лежит...

– Не лежит он! Говорю тебе, ты его увидишь. Он тебе кланялся.

– Интересно узнать, – не унимался Призрак, – почему это всякие убийцы тут прохлаждаются, а я столько лет живи в каком-то хлеву?..

– Этого сразу не понять. Ничего, теперь все кончилось. Все хорошо. Ты больше не беспокойся.

– Не беспокойся, значит? А тебе не стыдно на себя глядеть?

– Нет. То есть не в том смысле. Я на себя не гляжу. Я перестал с собой носиться. Понимаешь, не до того мне было после убийства. Так все и началось.

– Я лично, – сказал Призрак с неуместной значительностью, – я лично считаю, что мне место здесь, а тебе – там. Такое мое мнение.

– Ты, наверно, тут и будешь, – отвечал Дух, – ты только не думай, где кому место.

– Погляди на меня! – Призрак ударил себя в грудь (звука не было). – Погляди на меня. Я человек порядочный. Конечно, недостатки у меня были, у кого их нет, но я жил честно. Такой уж я человек. Чужого не просил. Хотел выпить – платил деньги, хотел заработать – вкалывал. Да. Я человек такой.

– Сейчас бы лучше на этом не настаивать.

– Это кто настаивает? Я что, спорю? Я тебе просто и ясно говорю, какой я человек. Мне чужого не нужно, я своего требую. Думаешь, ты лучше меня, если разрядился, как на ярмарку (да, у меня вы так не ходили), а я человек бедный? Ничего! У меня такие же права, как и у тебя.

– Ну, что ты! У меня нет никаких прав. Если бы мне дали то, что мне по праву следует, я бы здесь не был. И тебе не дадут. Будет гораздо лучше. Ты не бойся.

– Я и говорю. Мне не дали того, что

мне по праву следует. А я человек порядочный, делал, что мог, зла не творил. Нет, вы мне скажите, почему мной поражается какой-то убийца?

– Я не распоряжаюсь. Ты только походи со мной, и все будет хорошо.

– Чего ты пристал? Я милостыни не прошу.

– А ты попроси. Попроси милости. Тут можно только просить, купить ничего нельзя.

– А тебе того и надо! Ясное дело. Тут у вас принимают всяких убийц, если они расхныкаются. Что ж, вам виднее. А мне это не годится, понятно? Мне милостыня не нужна. Я жил как надо.

Дух покачал головой.

– У тебя ничего не выйдет, – сказал он, – ты не сможешь ступить по траве, ноги не окрепнут. Мы и до гор не дойдем. Да ты и вообще неправ.

– Это в чем же? – мрачно спросил Призрак.

– Ты не жил как надо, и не делал все, что мог. Никто из нас этого не делал.

– Вот это да! – возмутился Призрак. – Ты мне объясняешь, как надо жить!

– Конечно. Стоит ли разбирать? Лучше я тебе вот что скажу: когда я убил бедного Джека, это было не самое худшее. Я себя не помнил, и все кончилось в одну минуту. А тебя я убивал годами. Я лежал по ночам и думал, что бы я с тобой сделал, если бы мог. Потому меня к тебе и послали. Чтобы я просил у тебя прощения и служил тебе, пока нужно. Из всех, кто у тебя работал, я самый худший. Но все мы так чувствовали. Понимаешь, нам нелегко приходилось. И жене твоей, и детям...

– Тебе-то что? – прервал его Призрак. – Это дела частные, понятно?

– Частных дел нет, – сказал Дух.

– И вот еще что, – продолжал Призрак, – иди-ка отсюда, не лезь ко мне, понятно? Я, конечно, человек маленький, но убийца мне не компания. Нелегко вам было, да? Вернулся бы ты ко мне, я бы тебе показал, как работают!

– Покажи сейчас, – сказал Дух. – Идти к горам весело, но это и труд немалый.

– Ты думаешь, я с тобой пойду?

– Не отказывайся. Одному тебе не дойти, а меня к тебе послали.

– Ясно... – горько проговорил Призрак, но в голосе его звучало торжество. – Чего от вас и ждать? Вы все тут в сговоре. Не пойду. Так и передай. Если я им без тебя плох, и не надо. Я своего требую, понятно? Нечего мне няньку подсовывать, – он просто радовался, что может угрожать. – Вернусь домой. Я вам не собака. Домой пойду, понятно? А ну вас всех...

И он направился к автобусу, что-то ворча и пошатываясь от боли. Ноги его не привыкли к алмазной траве.